

10-го декабря 1927 г.
ПРАГА

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

1

1

ВИЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

10-го грудня 1927 р.
ПРАНА

О Г Л А В Л Е Н І Е.

1. Программная статья: Вольное Казачество.
2. Юрій Гончаров: * * * — Стихи.
3. Михаил Самсонов: На ярмаркѣ.
4. Алексѣй Персидсков: „Призыв Степана“ и „Осеннее“. — Стихи.
5. Борис Кундрюцков: Атаман.
6. Павел Поляков: Казакам-поэтам.
7. Константин Поляков: * * * — Стихи.
8. Юрій Гончаров: Зеленая дрема.
9. Иван Колесов: Казачество.
10. Ис. Быкадоров: Происхождение казачества и возникновение Вольных Казачьих Войск.
11. О. Бѣлоус: Симон Петлюра.
12. Д-р-инж. С. Федоров: Записки самостійника.
13. Гн. Білий: Кубанська Рада 1917 року.
14. Н. П.: Большевики и національный вопрос.
15. С. Ф. Лантух: Чешская Маффія.
16. Свой: Международная жизнь.
17. В РСФСР. — Обзор.
18. На Украинѣ. — Обзор.
19. Из жизни Сѣверо-Кавказскаго Края.

Открыта подписка

на двухнедѣльный журнал литературный и политическій

„Вольное Казачество“

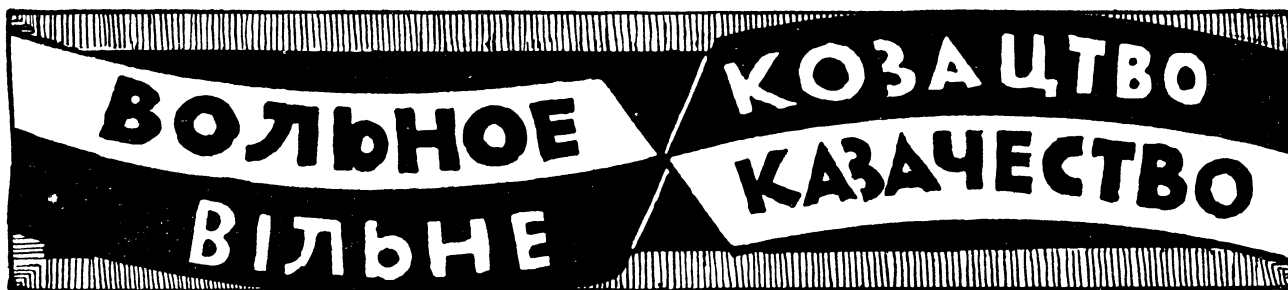
— Вільне Козацтво —

Условія подписки:	на 3 мѣс.	на 6 мѣс.	на год.
В Чехословакіи	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польшѣ	4·5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославіи	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгаріи	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франціи	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

КОНТОРА: Praha - Žižkov, Jagellonská 24, Tchecoslovaquie.

Цѣна отдѣльнаго № в розничной продажѣ:

В Ч.С.Р. 3 кр.	В Болгаріи 10 лева
В Польшѣ 0·75 зл.	Во Франціи 2 фр. 50с.
В Югославіи 5 дин.	В других странах 15 ам. ц.

Двухнедѣльный журнал литературный и политическій.

Под редакціей И. А. Билого и М. Ф. Фролова.

Год изданія первый.

Редакція и контора: Praha-Zižkov, Jagellonská 24, Tchecoslovaquie.

№ 1.

Прага, суббота 10-го декабря 1927 г.

№ 1.

Вольное Казачество.

Почти восемь лѣтъ тяжелой военной оккупации наших Земель красными московскими побѣдителями. Почти восемь лѣтъ на спинах и на головах наших братьев испытываются всякіе коммунизмы — военные и государственные, или новыя экономическія политики — нэпы. Восемь лѣтъ организованнаго грабежа в видѣ продразверсток и продналогов, просто налогов и всевозможных контрибуцій. Восемь лѣтъ беспощадных разстрѣлов. Восемь лѣтъ население наших Краев упорно с расчетом обезкровливается и систематически хозяйственно обезсиливается. Восемь лѣтъ московскіе комиссары разказачивают казачество. Отворачиваются и поворачиваются к нему лицом (чтобы лучше бить!) Все лучшее, всѣ вѣрные закону своей Земли разселяются и выселяются все тѣми же старыми „историческими“ дорогами на Соловки и в Сибирь. А на казачьих землях снова растут колоніи московскія, еврейскія, нѣмецкія и всякія иныя. Восемь лѣтъ разными дискуссиями и пропагандами кремлевскіе диктаторы и их прислужники стараются развратить душу нашего народа. Наконец, рѣжется живое тѣло наших Краев, для ослабления казачества искусственно создаются новыя территориальныя единицы и группировки.

— И столько же, больше семи лѣтъ нашего изгнанія. Сколько страданій и томленій за это время по нашей прекрасной, далекой Родинѣ! Пережиты первые кошмарные мѣсяцы эвакуации на Чаталджѣ и на Лемносѣ. Потом — уход из Врангеліады и тяжкое приспособленіе к заграничной чужой, нам непривычной обстановкѣ и поиски труда, упорная борьба за существованіе, за самую жизнь. Пережиты времена возвращенія с искренним и неискренним примиреніем с Совѣтской властью. Пережита „смѣна вѣх“ с возвращеніем и „смѣна вѣх“ без возвращенія. И наступил долгій и тяжелый путь нашего эмигрантскаго житія.

Разбросаны мы по всѣм странам и материкам. Служим мы в иностранных легіонах в знойной Африкѣ, ищем счастья в Америкѣ, сѣверной и южной, забрались мы даже в Австралію, в потѣ лица своего добываем хлѣб наш засушенный в Югославіи и Болгаріи, Франціи и Польшѣ, Румыніи и Чехословакии. Нѣтъ, кажется, ни одной страны, гдѣ бы сейчас не пробивал себѣ казак торной жизненной дороги тяжелым и упорным трудом. И только часть нашей молодежи нашла пріют и возможность учиться в высших учебных заведеніях в Чехословацкой Республикѣ, благодаря такой щедрой и благородной помощи ея Правительства, — может быть, единственному примѣру в исторіи эмиграцій всѣх времен и народов. Здѣсь создается наша будущая интеллигенція.

Но не только исканіе и добываніе хлѣба насущнаго стояло перед казачеством эти долгіе годы эмиграціи. Как только прошли первые трудные мѣсяцы, и физическая жизнь на чужбинѣ была обезпечена, — перед каждым из нас встали одни и тѣ же мучительные вопросы:

с кѣм и за что мы воевали, кто были наши союзники и кто враги, и почему борьбу мы проиграли?

Чѣм больше казаки задумывались над подобными вопросами, над вопросами: кто мы и что мы? — тѣм вѣрнѣе начали приходить к мысли, что достаточно уже нам быть орудіем в руках других, что свои силы и свои средства нужно тратить для достиженія своих цѣлей.

И неуклонно совершается процесс освобожденія и отхода из под фактической и идеологической связи и зависимости от былых „вождей“ и разных россійских политических партій, организацій и группировок и той части казачества, которая вольно или невольно в такой зависимости и связи еще была. „Разочаровались“ даже тѣ, о подобной эволюціи которых еще не-

давно и думать было нельзя. И отходят. Отходят потому, что и они уже не видят там счастья своей Родины, видят только желание всех использовать и далее казачество как средство для достижения своих целей, как простое пушечное мясо. И правильно, — союзников в том лагерь у нас нет — там каждый хотел бы только править и владеть нами.

Постепенно, медленно у одних, скорее у других, направлялась и ковалась среди казачества мысль об „ориентации“ на самих себя, на свои Края, на свои Земли. И растут ряды тех, кто и раньше смел думать, говорить и бороться за то, что наши Края и наши Земли и казачество само по себе достаточно прекрасны и высокие цели, чтобы все наши силы и все наши способности посвятить Им, Их счастью, Их благополучию.

Мы живем сейчас накануне великих событий, накануне второго акта той великой драмы, того большого процесса борьбы за освобождение, который начался в 1917 году на широких просторах б. Р. Империи, первый акт которого окончился победою красных империалистов и оккупацией ими наших Земель. Там, где-то за занавесами, а может быть и без них, на различных местах идет напряженная подготовительная работа к этому второму акту — и кто знает, как развернутся события, когда эти занавесы поднимутся?

Это наиболее трудная, но и наиболее важная наша задача сейчас — правильно понять то, что делается кругом нас, а прежде всего в С.С.С.Р., чтобы внести потом в будущую игру и свою долю понимания и воли.

И оттого, когда и как мы поймем то, что есть, и сумеем предвидеть то, что и как будет, будет во многом зависеть успех или успех нашей политической работы в эмиграции. Больше: мы должны не только предвидеть события и их возможную развязку, но и все сделать для того, чтобы они кончились так, как то отвечает действительным интересам нашего народа.

Нужно правду сказать, что одною из основных причин наших неудач в недавнем прошлом было то, что мы не были готовы к событиям в тех формах и размерах, в каких поставила их перед нами жизнь. Оттого и была у казачества путаница мыслей и целей, оттого и были столь губительные разногласия. Но события по существу только начинаются и еще и нам придется в них участвовать. Но если бы и на этот раз мы не были готовы, то этого не простил бы нам никто: ни люди, ни история.

И потому прежде всего: ясная мысль, ясная цель, ясная и определенная программа, наша программа. Такая программа, какую можно было бы одинаково проводить и осуществлять в жизни и им там и нам здесь в эмиграции.

Нашей конечной целью должно быть благо своего народа, своей Земли прежде всего, а как средство для достижения этой цели — во-

становление своих государств-республик: Донской и Кубанской. Поэтому первым пунктом нашей программы должно быть:

освобождение Дона и Кубани из под власти Р. С. Ф. С. Р. и С. С. С. Р. и созыв: на Кубани — Кубанской Рады, на Дону — Донского Круга, как суверенных Учредительных Собраний, над волею которых нет никакой иной высшей воли.

Далее, нужно правильно и раз навсегда решить: на Дону — вопрос крестьянский, на Кубани — вопрос иногородний. Нам кажется, что, в целях создания внутреннего мира, укрепления начал государственности и развития экономического благосостояния наших Краев, единственно правильным решением будет оканчивать, т. е. дать все права гражданства наших республик, равно как и обязанности, всем тем, кто жил или родился в пределах наших областей до войны. Это должно быть вторым пунктом нашей программы.

Третьим, бесспорным пунктом должно быть установление принципа равенства основных национальностей Дона и Кубани в области национального и культурного развития.

И, конечно же, вместо всяких коммунизаций, в основу народно-хозяйственной жизни наших Краев должно положить право частной собственности, — пункт четвертый.

— Вот общие контуры, основные элементы нашей программы. Отсюда нужно исходить. Остальное — детали, которым в свое время мы посвятим на страницах нашего журнала особое внимание и место.

Конечно, мы знаем все трудности, связанные с осуществлением такой программы, и несколько не закрываем на это глаза, особенно на пункт первый. Он прежде всего потребует великих сил и великих жертв. Мы знаем также, что такие задачи не решаются отдельными группировками и течениями или партиями, как бы сильны они ни были — они требуют и от нас сговора и соглашения со всеми теми, кто на такую программу — минимум пойти может: нужна консолидация сил казачьей эмиграции. В истории каждого народа приходят времена великих жертв и героических повинностей. Пришли они и к нам еще раз.

Как ни трудна все же эта задача, она не невыполнима. Для нас она облегчается тем, что такая же задача стоит сейчас и перед другими казачьими землями, и перед Украиной, и перед Кавказскими народами и перед др. — То наши естественные союзники.

Сейчас уже для всех нас является бесспорным то, что второю из причин наших неудач в прошлом, если не главною, был неудачный выбор союзников (Добармия) и война с теми, кто мог быть союзником действительным (Украина) Союзники только тогда хороши, когда имеют общия и одинаковыя цели борьбы. С Добармией же у нас была лишь одна половина общей задачи: борьба против большевиков, а дальше расхождения — боролись мы за разное. Мало того, Добармия собственно и не хотела быть нашим союзником, она хотела стоять над нами.

В будущем мы, очевидно, такой ошибки не сделаем. Мы боремся с большевиками или вели спор с Добрамией не для того, чтобы переманить „барина“.

Что касается нашего отношения к русскому народу, то оно зависит и будет всегда зависеть от отношения русского (великорусского) народа к нам: мы не нападаем, а только защищаемся. Ненависти не питаем и проповедывать ее не собираемся, но защищать свое право и свою свободу будем. Самостоятельность мы понимаем не как изоляцию, — союзников и друзей искать себе будем, но только на основе: вольный с вольным, равный с равным.

Выходя в свет, „Вольное Казачество“ зовет в свои ряды всех тех, кто хочет защищать свою волю, кто не хочет ничего господства над собою, от кого бы оно ни исходило и как бы оно ни называлось; кто считает, что казачеству нужно прежде всего думать о себе и о своих Землях, бороться за свое право и свою свободу и предоставить каждому народу устраивать свою жизнь так, как он того хочет.

А когда придет пора, стройные ряды Вольного Казачества подадут сильную руку своему Дону и своей Кубани, а Кубань и Дон подадут руку своей эмиграции.

Юрий Гончаров.

(Брно).

* * *

Задумчивых садов прозрачны очертанья,
И листьев нежен звон — как вздох осенней феи...
В искристом инее сквозит зимы дыханье,
И вьюги — снежные, разгульные затьи...

Сегодня всем я — брат, и нынче все мне — братья:
Из инея ковер... и утра лик осенний,
И сада нежного узорчатое платье...
И утренних ветвей синюшца тень.

Ты — время, — мне плесни еще десяток капель,
В пустыющей мой ковш прилей огней и света:
Мой тих хрустальный путь и светел жизни факел...
Осенний чуден сказ... и песнь еще не спета...

15 — XI — 1926.

* * *

Нежный вечер...
Лунный свет...
Ветви мечут
Черный след.

Листьев шелест — тайный зов...
Отдаленный звон часов...
Недосказанный ответ...
Сердце шепчет: не ты... не ты — не ты...

Не грусти, что сердце милой
Не тебя, другого ждет...
Не грусти, что разлила,
Завтра новая придет.

Нежный вечер... Дальний звук...
Неумолчный сердца стук...

Ты в окошке —
Милой не ты...
По дорожкам
Лунный свет...

18—XI—1926.

Михаил Самсонов.
(Прага).

На ярмарке.

Уже за два дня до ярмарки выгон за хутором стал оживать. По обеим сторонам шляха приехали продавцы и комедианты ставили палатки, строили деревянные подмостки.

Атаман со стариками плановали места для рогатого скота, для конных точек.

Ближе к хутору ставились карусели, а около них располагались торговцы с лакомствами.

Цыгане, всегдашние гости казачьих ярмарок, раскинули свои шатры около конных точек.

Многочисленная орда цыганят, полуголых, в отряпах, разсыпалась по всему выгону. Всюду слышится их гортанная болтовня. Они назойливо пристают к каждому.

— Дай, дай копейку, — попляшу и на пузе, и на голове... Дай, дай копейку! — и просительно тянется грязная рученка черномазаго.

Хуторская дятвора гурьбой носится за цыганятами, осыпая их насмешками.

— А Кирила-то дома?.. — стараясь придать своему говору цыганский акцент, дразнят они цыганят.

— Попляши, попляши... дадим копейку!

И цыганенок пускается в свою огневую пляску, бормоча себе под нос песенку. Вертится волчком, выбивает неимоверно трудную мелкую дробь босыми заскорузлыми, никогда не видевшими обуви, ножонками. Мелькают с бешеной быстротой черные ручки, прихлопывая, в такт ногам, по всему телу. Пройдет колесом, станет на голову и закружится, шлепая по пыли руками и болтая в воздухе голыми ногами.

Притихает дятвора. Торопливый торговец бросает работу и, раскрыв рот, смотрит на юркаго чертенка.

Кончает свою пляску цыганенок и, вытянув шею, кричит — ку-ка-ре-ку!..

— А на пузе позабыл штоль? Танцуй, а то не дадим копейку!

Снова пускается в пляс цыганенок. Мелькают потрескавшиеся пятки. Падает на живот, подпрыгивает, вертится, лбом и колбнями постукивая о землю.

Закончил танец, прокричал „ку-ка-ре-ку!“ — и толпа мальчишек с шумом порхнула во все стороны.

— Обманули дурака на четыре кулака!..

Одуроченный цыганенок неистово ругается вслед проказникам.

И снова черная рученка тянется к каждому:

— Дядя, дай-дай копеечку... попляшу и на пузѣ, и на головѣ!..

Кончилась обѣдня. Отрезвонили на колокольнѣ. Ярмарка началась.

Пестрая нарядная толпа молодежи плотным кольцом охватила карусели.

Воздух наполнился пылью, фаброю и ваксой.

— Один за копейку, два за двѣ, не толпись, садись, кружись!..

Тряся рыжей бородой, в неестественной маскѣ, с бубном и кнутиком в руках, кричит зазывальщик у карусели:

— Два за двѣ! Только у нас! Шибко покружим вас! За копейку — садись — послѣдній звонок — сторонись!..

Ревет „катеринка“, дергается „американская“ кукла и корчит гримасы „чудак“..

— Дѣрки, вы откедова же будете? Кубыть видал вас гдѣ-то! Не с Наполовскаго?

— А хотя-бы и с Наполовскаго, — так что?

— Что? Покружить вас хотим!

— У нас свои ребята есть!..

— Да вы не сердчайте!..

— А вы нас не зазывайте!..

— Так-таки не скажешь, чьих будете?

— А для чего вам?

— Ну хоть скажи, будут отдавать, или зятя принимать?..

— Т-ю-у! Зятя! Да у меня еще брат старше есть!..

За него уже сосватали у нас же, на Бирюковѣ!..

— Видишь, давно бы так и сказала. Пойдем покружимся!..

— И гром бей, ох и влѣзла же в глаза мнѣ эта дѣвка с Бирюкова. Так, Петя, по душѣ, так по душѣ!.. А тут батяня наказал, чтобы на этой ярманкѣ безпримѣнно невѣсту нашел.

— Так что же? Раз в глаза влѣзла...

— Да я же ее теперь не угадаю. Она, как с кружилки слѣзла, так куда-то и пропала... К Нюрашкѣ, говорить, надо идти?..

— Гля, односум! Там вон жалмерочки слободскія собралась штуки четыре. В шинок бы пройти!

— Тсс! Голова, жена же сзади...

— Моя тоже тут... Вяжинскій односум крутится там около них — караулит!..

— Ты думаешь, нельзя на этой крутилкѣ выиграть?.. Мнѣ кабы палец медом гдѣ-нибудь намазать и энтот гвоздь, гдѣ самое много денег стоит, лапнуть, — вродѣ попрямить и крутнуть помаленьку... она, брат, как дойдет перо до энтото гвоздя, так и остановится!..

— Лѣтоса дядя Ванька всѣ деньги у крутельщика забрал!..

— А слюнями нельзя?

— Дядя Ванька говорил, что медом надо!..

— Подходи, гляди, примѣчай, хватай! За подол — пятак, за головку за-так!

Проворно вертит юркій человекъ широкую конфекту в глянцевиной красной и синей бумажкѣ с махорчиками. На одной сторонѣ нарисована барышня. Человекъ мгновенно переворачивает конфектку и кладет в ряд на опрокинутый ящик.

— И хитро же придумал... А? Митрич!.. „За подол пятак, за головку за-так“... Тут парень надо замѣтить, как он переворачивает, — можно весь ящик забрать... Спробну! Вишь, один уж три взял... Ах, ѣдят те мухи с комарями! Как раз за подол... Диковинное дѣло, Митрич, уж старый же хрѣн, а, подикась, рука-то к подолу тянется!..

— Подходи, гляди, смѣлѣй бери, — за подол пятак, за головку за-так!..

Кипит, гудит людской муравейник.

Среди лѣса задранных кверху оглоблей волнуется море людских голов.

Как остовы кораблей, среди этого моря выдѣляются горы черных сапог, скирды лука, сахару, меду в малых кадках, колес...

Ко всему тянутся руки. Все надо осмотрѣть, оцупать, ко всему прицѣниться, за все поторговаться.

Бойкіе приказчики из мануфактурных палаток наперебой кричат, зазывая покупателей.

— Сарпинка, китайка, шелка и тавричанка! платки, шалевки и шальки! Дешево продаем, всѣм подарки даем! на полтину скинем пятак, за трешницу купишь — подшальк в подарок за-так!

Выше всѣх палатка с помостом наверху и с надписью: „Кіятра — представления“.

На помостѣ, строя невѣроятныя гримасы, набѣлennyй, красноносый комедіант неистово вопит:

— Эй, народ, раскрывай рот! Не будьте дураки — несите пятаки! У нас за пятак в комедѣ, всѣм больше, чѣм за трешницу на том свѣтѣ!

Толпа напирает на палатку. Болѣе любопытные достают из-за пазухи узелки с деньгами, бережно развязывают, отсчитывают пятаки... Многие стараются протиснуться без билетов.

— Этим людям довѣряться нельзя, — должно с анчихристом знаются.

— Да что там с анчихристом, — просто глаза отводят. Есть же такіе, что напушают воду. Мошенство одно, абы выманить у нас простачков побольше пятачков...

— Ну, брат, мнѣ отвести глаза трудно! Вот как возьму дощечку с сучком, да этот сучок выбью, а наскрозь эту дырку буду глядѣть, — тут уж никакая сила глаз не возьмет!..

— Ну, что, видал? Да погоди! Расскажи!..

— Да что, расскажи — расскажи! Заплати пятак и увидишь...

— Там, братцы, такое, что уму непостижимо! Чертей из носу выкликают! И вѣрите, черт, настоящій черт выскакивает! У одного так из сапога выскочил!

— Людишки добрые! И чудно, и жутко!..

— Ну, смѣлѣй, не робѣй! Чертей увидишь, на оном свѣтѣ бояться не будешь! Только пятак, один пятачок!.. — и корчит гримасы красноносый комедіант.

Валом валит простодушный народ на „представленію“.

Спокойно и дѣловито на рынкѣ рогатаго скота.

Лжат привязанные к повозкам быки, коровы и телки, лѣниво пожевывая губами, медленно ворочая мягко-бархатистыми тупыми глазами.

В сладкой полудремѣ лежит под повозкой хозяин. Медленно, с длинными костылями, ходят между повозками толстопузые хохлы-прасолы.

— Эй, землячек, а землячек, продаешь?..

— А для ча-ж на ярманку привел? Да ты, того, скотину-то своим костылем не бей! Небось, только сгнишишь! Пуза-то у тебя толстая, да мощна тонка! Говори толком, если хочешь купить. Таких бычков по всему базару не найти. От вашего брата отбою нѣту. Толком говори!..

— А сколько-ж вин хоче за них?

— Десять красных!..

— Фью-фью-фью, — посвистал хохол.—Ото-ж, бисова чига, ляпну!..

— А ты не дражнись! На нашей землѣ да еще!.. А то, греб твою в козырь, сниму люшню, так мазницу-то твою и размозжу! Толком говорю — говори!

— Семь червоных!

И сует хохол свою грязную пухлую, как лапотъ, руку казаку под повозку.

— Та бий-же!

— Ишь — семь червоных?! Поди ты к своему батькѣ!.. Ты-ж мозгуй, проклятая хохла, своей мазницей, вѣдь бычки-то, бычки — комагорскіе!..

Слышатся крѣпкіе удары рук, отборная ругань... Крестятся на церковь, пьют могоарычи, и пару за парой уводят хохлы казацьку худобу...

Бойко и живо идет торговля на конном точкѣ. Цыгане, в лакированных сапогах, в широких черных и синих штанах, в пестрых рубахах, затянутые яркими кушаками, с кнутиками в руках, шныряют по точку.

Важные казаки, в гвардейских мундирах и просто в поддевах, с уздечками, высматривают маштачков.

— Помѣнять не хочешь? Так купи конька — конька достанешь от меня быстрѣе птицы! — с акцентом, безумолку, гомонят цыгане.

Не успѣет осмотрѣться казак, как юркій цыганенок уже на „конькѣ“. Стегнет старый цыган кнутом, и полетит цыганенок, болтая руками и ногами.

— У вас вѣдь только, у этих конокрадов, покупать. Семь лѣт шкапа лежит и та у вас бѣжит! Вот мой Ванька на нем проѣдет!

— Э-э, да он шпагует!

— Ей-Богу нѣт, не шпагует. Играется... Застоялся. Вот моя правая рука! Вѣк благодарить будешь. Кабы этому коньку крылья — полетѣл бы!.. Недорого продам. Человѣк хорошій, до гроба друзьями будем — лопни глаза! За восемьдесят цѣлковых отдам — бери. Из полы в полу передом. В руку тебѣ такая масть, по глазам вижу. Без норова. Всего — три, четвертый!

— Ты мнѣ зубы не заговаривай, шпагует!

Нещадно бьются руки, расходятся, снова сходятся, и снова бьют руки...

Широко шагает по точку Ефрем в бѣлых, посѣрѣвших от пыли, чулках, в малискиновых синих шароварах с лампасами, на плечо накинута поддевка. За спиной ружье. Шапка сбилась на затылок. В правой рукѣ ведет своего Дрона.

Дрон идет, понуря голову, спотыкаясь на каждом шагу.

Обернется Ефрем, даст пинка чириком и идет дальше, поглядывая, как у цыганских шатров распиваются могоарычи.

— Продаешь?

Вздрыгнул Ефрем. Глаза блеснули надеждой и радостью.

— Да и продать могу, а лучше помѣнять бы.

— Видишь, сватами будем, — затараторил цыган. — Из семи любую выбирай! Для охотника специально кобылицу имѣю — Лиска, настоящая лиска, волка догонит! Улыбнулся Ефрем.

— Да мнѣ-то признаться такую и нужно. Для охоты-то добрая лошадь нужна. Тяжело, брат, по бурунам волков гонять.

Ружьецо-то у меня, парень, такое — на пятьдесят сажон, как мылом, смывает!

— А Лиска-то по слѣдам ходить умѣет. Для того и держал, что по степям за зайцами гонял. На зиму-то не понадобится!.. Вот смотри, вот эта Лиска! Ну-у, не постыжь, — ширяя в бок кнутом, проговорил цыган. — Охотника почувала!

— А мой-то Дрон староват стал — умаялся. Добрячій конь!.. Вырос со мной вмѣстѣ. А сколько он этих зайцев перевозил? Ни есть конца краю!

Цыган что-то прогортанил на своем языкѣ, и как из земли вырос маленькій цыганенок. Ефрем ажно назад попятился, перекреститься хотѣл — уж так же он похож был на чертенка. Как овод, впился чертенок в кобыленку, гикнул, чмокнул и заколотил пятками в бока. Многих трудов стоило и старому цыгану, чтобы Лиска понеслась вскачь.

Сбросил Ефрем поддевку на землю, потер руки.

— Ну, так что? Говоришь, для охотника? Охотник, парень, я можно сказать наилучшій и самый настоящій!..

— Не жалѣй Дрона, ему все равно у кого быть — ничего не видит!

— Да оно это правда, что не видит, но она же животная чует! От вас вѣдь вродѣ угаром несет.

— Привыкнет, голова большая, не угорит! А Лиска-то, Лиска! Языка ей не хватает, а то заговорила бы. И цыган, сняв шапку, крестится на церковь.

— Вот святая церковь и крест святой на ней, кабы моей Лискѣ язык — говорила бы!..

— А отчего же это она такая худая — не кормил штоль?

— А говоришь охотник? Твои гончія собаки тоже вѣдь худыя. Потому и рѣзвая, что худая!..

— Оно на самом дѣлѣ так. Был у меня Туман, кобель, стало-быть, гончій, ну покель худой был, так каждого зайца брал, ну, вѣришь, без промаху. Как догонит, так, брат, это его за заднюю ножку и вмѣстѣ с ним кувыр и придушит. А потом я его возьми да и раскорми, так он такой стал, что и со двора не выманишь, а если и выманишь, так толку то никакого. Заяц выскочит, он это сначала за ним шагов десять пробѣжит, круть да назад! Убил проклятого там же на мѣстѣ.

— Ну... Лиску не убьешь. Ее не раскормишь, — умна! Эх, кабы ей язык! Ой стой, стой!.. не ходи около нея, а то увидит ружье — не удержим! Давай придачи десятку да и бери с Богом!

— Нѣт, брат, насчет придачи уж извиняй — ни копыя. Хочешь так — ухо-на-ухо. Дрон, брат, добрячій конь, кабы ему твои глаза, так он бы... А сила?! Связывать всѣх своих семярых, привяжу к хвосту, всѣх попрут!.. У Лиски то что-то шерсть слишком длинная, и головища страсть какая неаккуратная...

— Что шерсть длинная, так это понимать надо, что она из дикой породы, из самых степей вывел! А в большой головѣ и ума много. Давай додачи и могоарыч твой!

— Я сказал, так сказал! Я не какой-нибудь цыган, чтобы торговаться, держи руку!

Ефрем взял руку цыгана, широко замахнулся и проговорил:

— Ну так с уха-на-ухо и могоарыч пополам!

Со страшной силой он хватил цыгана по рукѣ. Как ни привычен был цыган к рукобитьям, тут не выдержал, взвизгнул и замотал побагровѣвшей рукой.

Понял цыган, что торговля излишняя. Он видѣл, насколько прост и безхитроsten казак, настолько тверд и настойчив. Кобыленку же с отѣдненным ящуром языком сдать есть случай.

— Только для тебя, для такова охотника! Держи! Быть по твоему!

— А она у тебя не двуязычная?

Ефрем взял Лиску повыше холки за шею и так сдал, что кобыленка замотала головой.

— Гляди, гляди — мотает головой, кабы ей язык!..

— Ну, посылай этого чертенка за могоарычем!

Ефрем и цыган, сняв шапки, перекрестились на церковь.

Посмотрѣл Ефрем на своего Дрона, непрощенная слеза скатилась по его загорѣлой щекѣ:

— Эх, Дрон, Дрон! Вмѣстѣ вѣдь вырасли. Дюжа добрячій конь был... Одних зайцев... с натуги!..

Боль разлуки, воспоминанія о вмѣстѣ пережитых днях и случаях вмѣстѣ с Дроном — пробудили в Ефремѣ казака. С отвращеніем взглянул он на Лиску:

— А ты, конокрадская твоя душа, думаешь, что возьму твою Лиску, в зубы не посмотрѣть? Да мнѣ всѣ односумья глаза просмѣют! Ну-ка, давай сюда Лиску, чертowo отродье. А то, — охотник — охотник, — зубы заговаривать да глаза отводить! Мой то Дрон весь на виду!..

Крѣпко схватил Ефрем лѣвой рукой за хrap Лиску, правой стал язык вытаскивать. Понял цыган, что все кончено, запрыгал, затараторил.

— Не хотѣл обмануть — святая церковь! Говорил, кабы ей язык, не скрывал... Как перед Богом! Правду говорил!..

Отшатнулся Ефрем, налились кровью глаза, поймав он цыгана за грудки.

— Ах, ты, распроклятый ворюга! Да я тебя, как брызну об землянскую, так глаза твои полопаются!.. Меня? Ефрема?! Меня каждый щенок в станицѣ знает! Ты!.. Да я тебя разможду!

Отброшенный цыган отлетѣл под ноги Лискѣ.

— Цыгандара проклятая, кабы за тебя не отвѣчать за пададь такую... За семь верст об'ѣзжай Варварино — кишки вымотаю!..

Схватил своего Дрона и зашагал с точка. Дрон трюпал по его слѣдам.

Махнул рукой Ефрем, как бы отгоняя чуть-чуть не совершившийся позор, остановился, погладил Дрона по гривѣ:

— Видно на роду нам с тобой написано всю жизнь вмѣстѣ прожить... Не пром'няю!.. Добрячий ты!..

Наступил вечер.

Там и сям вспыхнули костры. Над каруселями зажглись фонари. Веселѣй заревѣли шарманки. Задорнѣй стал смѣх и визг дѣвчат...

Алексеѣй Персидсков.
(Брно).

ПРИЗЫВ СТЕПАНА.

Кто на Волгу со мной, за казной золотой
В стругах легких, как вѣтер, поѣдет?!
Кто без боли уйдет от жены молодой
И на грудь старый панцырь надѣнет?!

Жить кто хочет вольнѣй, средь поволжских степей

Жертву ставить забытому Богу?!
В грудь врага поразить, закричать зычно гей!
Кто там стал на казачью дорогу?!

Кто не может слышать звон московских цѣпей,
Покидайте станицы степныя!
Всѣ сѣдлайте скорѣй богатырских коней —
В путь-дорогу, орлы боевые!
1—X—1927

Борис Кундрюцков
(Загреб)

Атаман.

(Из цикла „Степные эскизы“)

Когда ватага шатающейся по Дону вольницы выбрала, с угрожающими криками и недвусмысленными жестами, Еремѣя Жутика в атаманы, он долго молча смотрѣл на галдящую братію, на два струга, покачиваясь хлюпающих на водѣ, уныло покачал головой и плюнул.

— Ба-абаяк нѣт...

— Сдѣлаем... — орали кругом. — Во-о как ешшо!!

— Жрать не-ечего?..

— Достанем... ешшо как достанем!.. До Азова прохлюпаем!.. а там уж!..

— Холода-а близко?!

— У матери в утробѣ только и тепло было!..

А для ча буераки? Балок сколько Господь понадѣлал!..

— Опять-жа, Петровы молодцы ишшут, што-б гребануть нас...

— Ладно-те. Пушшай...

— Не-е... Не хочу быть атаманом!..

— Ты што-о? — подступил к нему Иван Гулый: — не хотишь??

Ожили шинки. Зарыдали гармоники, скрипки, зазвенѣл, затрещал бубен. Тѣсно стало танцорам в шинкѣ. Вырвались они на простор. Поблескивают лакированные дудки сапог, гудит и вздрагивает земля, и летит во всѣ стороны встревоженный песок. В бурном танцѣ носятся, соперничая, жалмерки, и прорывается изрѣдка пригѣв, который роняет в душу страх и распаляет молодое сердце:

— Пойду плясать — песок хрястит,
Мое дѣло молодое, — меня муж простит!..

Смолкнет гармоника; стихнет бубен.

Вырвется вихрем цѣсня широкая, разгульная, необ'ятная, как степь, как спустившаяся ночь. Зазвенит, зальется подголосок. И кажется, летит он туда, к мерцающим звѣздам и там трепещет, дрожит, переливается... И кажется, что нѣт ему начала и нѣт конца!

ОСЕННЕЕ.

Октябрь дождливый сморкается,
Дышит сырым холодком.
Осень бѣжит, спотыкается,
Машет узорным платком.

Кончилось знойное лѣто.
Листья опали с берез,
Пѣсня любви не отпѣта.
Много в душѣ еще слез.

Кончились жаркія ночи —
Зори весны унеслись.
Чьи-то распутныя очи
В душу, как жало, впились.

Октябрь дождливый сморкается,
Дышит сырым холодком.
Осень бѣжит, спотыкается,
Машет узорным платком.
1—X—1927

— Не хочу. Усѣ струги на дырках, свинцу нѣт, пороху табѣ, скажем, нѣт, время такое, — это табѣ не с бабой!.. Да-а. По Дону, што ни день, казаки битые на плотках плывутъ, плывутъ в самое Черное море... К примѣру, идѣ Кондратій Афанасьевич? Идѣ Булавин, я табѣ спрашиваю?.. Нас осьмнадцать человек... Да-а. Это табѣ не с бабой?!

Сказав такую длинную рѣчь, Жутик отступил от костра и опять глянул на рѣку... — Здоровая рѣка, — подумал, — а каюки, што дырвые казаны... — Гулый не унимался...

— Эй, Ерема... Не ладное ты гнешь. Должон ты ватаги слушатси, потому мы от одних отстали и к другим не пристали... Чай слышал, Долгорукій по Айдару три тышши захватил... И нас штоб похватили, да в холопы? И нас хатиш? Жутик почесался.

— Это табѣ не с бабой, увольте братцы!..

Я у табѣ есаулом буду, — наступал Иван, выбивая изгрызанную люльку.

— Некогда раздумывать... — кричали молодцы,

Павел Поляков.
(Бѣлград).

КАЗАКАМ — ПОЭТАМ.

Вы поете пѣсни о цвѣтах да вздохах...
Эх, побрала-б черти ваши пѣснопѣнья!
Пирамиды трупов сгнили по дорогам:
Вдох — и труп гнѳющій, кровь — и вдохновенье.

Эй, пора проснуться, обостривши чувство!
Эй, пора покончить с глупою тоской
И служить заставить старое искусство,
Повернув за вѣком новою стезей!
О викингах древних мы слышали саги,
О норманнах гордых живѣ еще разказ, —
Но... мы знаем твердо, что пришли варяги...
И царят варяги до сих пор у нас!

Гей, пора проснуться, вспомнить наши были
Да пожары сотен выбитых станиц,
И в дѣлах приказных под наросшей пылью
Поискать старинных по степи границ.
Пойман „вороненок“ был под черным яром,
Ворон, ворон черный, снова пролетит
И пройдет он снова до Москвы пожаром
И за кровь казачью грозно отомстит.

За степной завывай, за обыклость дѣдов
Мечь густою цѣпью Сѣверу несем
И степям подарим новья побѣды, —
Иль с рѣки Великой навсегда сойдем!

Юрій Гончаров.
(Брно).

Зеленая дрема.

Ублажил Тишка Зотов водяного, — ох, как ублажил!

Качаясь от разбираващаго хмеля, долго ныл и жаловался рыбалка кому-то на другом берегу рѣки, размахивая корявыми ладонями. Жаловался на свое горемѣчное житье: вот-де у Федьки Чертоусова каждый день в самоловах рыбы полным-полно, и перетяжки никогда не рвутся, а у него — хоть и не заглядывай в сапетку — развѣ что на смѣх пара пескарей сдуру сядет на крючки, а в самоловах — лягушки да раки; горе — да и только! Федькѣ денежки так сами и ползут в кубышку, а тут стыдно на людей глядѣть: каждый чумазый мальчишка в станицѣ срамит: „Ну, уж и рыбалка!.. Тишка-то?.. Да ему развѣ что блох ловить“... Просто сказать — житья нѣту на бѣлом свѣтѣ!

В лѣсу над рѣкой благодать; зеленые кружева виснут и тянутся к небу, тишь... Жалуйся на кого хочешь сколько угодно, никто не мѣшает.

И, высунув голову из воды, молча и внимательно слушает рыбалку заплетенный тиной мокрый пенъ или, Бог его знает, кто такой. У рыбалки хмельная муть в головѣ, и, может быть, оттого и кажется, что у пня шевелятся острия в рыжей шерсти уши...

Отведя душу, успокоился Зотов, вытащил из засаженного кармана синих когда-то шаровар полбутылку,

Константин Поляков.
(Брно).

* * *

Послѣдній залп орудій Перекопа,
И кровью братскою залитыя поля...
Там в глубинѣ, за бруствером окопа,
Он умирал за Вас, Родимые Края!

Волной катилась красная пѣхота
И смерть несла на гибельных штыках.
А стонам вторил хохот пулемета...
Он умирал с молитвой на устах.

И как огонь была его молитва,
Молил за братьев, бившихся в бою,
Молил о том, чтоб отстояли славу
И честь казацкую свою.

Но кровь лилась алѣющей струею
И заливала пасмурный окоп...
А труп его засыпало землею...
Пал окровавленный изрытый Перекоп.

А братья шли дорогою печали,
Ушли за грань синѣющих морей.
Их грустным ржаньем провожали
Ряды покинутых коней.

Послѣдній залп орудій Перекопа,
И кровью братскою залитыя поля...
Там в глубинѣ забытаго окопа
Остывшій труп засыпала земля.

... Стоял безмолвный и безславный
Один в степи забытый бог,
И я пред ним сухія травы
Рукою грубою зажег...

Борис Кундрючков.

отхлебнул глоток и, подумав, великодушно швырнул посудину в рѣку...

— Н-на!.. Пей себѣ на здоровьице!.. Угошайся!..

И, удержавшись на ногах, присосанился; стукнул себя гордо кулаком в грудь и, вихляясь на стороны, зашагал прочь — в темную зелень лѣса.

Вот так-то и заколотилась у водяного с Тишкой Зотовым, заядлым рыболовом и пьяницей, дружба.

Правду сказать, давно уже и водяной сам зуб имѣл на Чертоусова; ядовитый старик Чертоусов — недаром в станицѣ его попросту Гадюкой зовут. Вечерком, когда, поднявшись со дна, выставил однажды водяной голову на воздух, Гадюка его случайно и огрѣл свинцовым грузилом по башкѣ. Водяной же любит уваженіе к себѣ.

С той поры счастье повернулось к Зотову: рыба, самая отборная — сазан, сула и чехонь, — валом повалила в Тишкины самоловы и сѣти, чему весьма дивился Чертоусов. Затаив злобу, нѣсколько ночей караулил свои снасти, будучи твердо увѣрен, что Тишка у него всю рыбку выбирает. Не поймав никого, не разубѣдился Гадюка, а лишь больше накопил и спрятал под бровями подозрительной злости и дал себѣ слово, в случаѣ чего, намять шею Зотову — за мое почтение.

Другой казак на мѣстѣ Зотова в гору сразу пошел бы, забогатѣл бы — рыбу на базарѣ в станицѣ

нарасхват берут; Тихон-же Григорьевич так и остался Тишкой, в тѣх же выцвѣтших шароварах и рыжих, будто ржой изъѣденных, сапогах. Продаст наловленное — и в кабак... Парочку же лучших сазанов покрупнѣе всегда относил Зотов троюродной племянницѣ своей Аленѣ Андреевнѣ Гавриловой — учительницѣ.

А водяному — что? Водяной, если бы попросил рыбалка, вмѣсто чикамасов и сулы насыпал бы ему серебра полный казан. Добра у водяного в каменных кладовых под водой — посчитай-ка, попробуй!..

* * *

Очертив по синему атласному небу огненный круг свой, розовым душистым вином наполнив воздух, показилось вечернее солнце на отдых, туда, за лѣсныя верхушки, в золотую берлогу... Тотчас посинѣли деревья и стали воздушнѣе, в мягкіе невѣсомые терема стали густиться сумерки... И, смыкаясь, в синюю вечернюю темь попятнулись раскидавшіяся всюду у рѣки деревья, пока задумчивый мрак не покрыл все мягкой сумеречной шапкой... И, выставив темно-зеленую плѣху над поверхностью воды, хрипло крикнет с удовольствіем:

— Здорово ангелята купол изукрашили... Ну, и у меня на днѣ не хуже...

В вечернее время любит прохладжаться водяной, сидя по грудь в студеной водѣ... Любит глядѣть, как по кустам и меж деревьев куралесит и потѣшается всякая лѣсная и водяная нѣжить и нѣбыть...

Попозже, может быть, придет на берег из станицы Тишка с бутылкой водки, огурцами и таранью для закуски; поздоровкается и, сѣвъ на траву, почнет рассказывать водяному всякую всячину.

— Бѣда с нашими ребятами! — глотнув из бутылки, начинает он. — Давече мнѣ в самолех, сук-кины сыны, дохлую собаку влихнули. Теперича Гадюка проходу не дает: „Чего это, ты, Тишка, кобелей стал ловить? Аль за них больше выручаешь, чѣм за сулу?.. Аль и мнѣ, что-ль этим заняться“?.. Ну, я им, сто чертов в душу, этого не прошу... Я докопаюсь!..

— Вѣрно, — одобряет водяной, — к чему прощать? Ты докопайся.

— Безпремѣнно!.. Я — доберусь. А то, скажи на милость, кобеля? Ну, обождите, — грозитя Зотов кулаком в лѣс. — От них никому покою нѣту. Позавчера на колокольню ночью залѣзли — на всю станицу трезвон подняли, всѣх переположили...

— Ну? — ухмыляется водяной.

— Ей-право.

Блаженствует брюхач-водяной, слушая разглагольствования рыбалки и шумную вечернюю кутерьму, что нечистая сила поднимает поздно в лѣсу. Хорошо у рѣки... Свѣжій воздух копошится по берегу, всякія безобразныя очертанія лиц кружат в листвѣ, пронизывая темь красными угольками глаз... И рѣка, серебряным коромыслом в золотых звѣздах, изгибается и бѣжит в черную муть... Звонкая пѣвучая тишина обвораживает лѣсныя гущи. А там, глядишь, серпом взлетит на небо молодой мѣсяц, и смуглотѣлыя водяныя дѣвки начнут хороводить и играть пѣсни... Боятся их Зотов, а не может оторвать глаз от чудеснаго зрѣлища...

— Ишь, безстыдницы, расплясались... Срамота! — ворчит рыбалка и, позабывшись, добавляет:

— Откуда ее тут столько нечисти берется, Мать Честная?..

Водяной от послѣдних слов сразу передергивается и придуренным голосом рычит по водѣ:

— Тишка!.. Опять!.. Кого поминать... сволочь!..

— Да я вѣдь... Ты не сердчай... ненарочи? Что те так корежит? Не буду, Мать Честная... не буду...

— Тишка!.. — еще глуше, весь скорчившись, задыхаясь, хрипит водяной.

И долго послѣ оправдывается сам на смерть перепуганный рыбалка, слушая брань трясущагося от злости водяного.

Не нравится водяному еще, когда, упившись, начнет рыбалка икать и хныкать на судьбу.

— Связался я вот, скажи на милость, с нечистой силой... загубил душу. Ни тебѣ теперь на исповѣдь к попу сходить нельзя, ни в церковь... Ох, пропал я, пропала моя головушка...

— Не ной, нудьга, — лѣниво рокочет водяной, — успеешь и в церковь сходить... Можешь и к попу. Только ваши станичные попы даже ученые, они тебѣ и не повѣрят; к причастию не пустят: „упился“, — скажут. А сходить к попу можешь, чего-ж не сходить, — благосклонно разрѣшает брюхатый.

Но Зотов, к самому себѣ разжалобившись, не слушает...

— Надась зашел я в церкву-то... Стал в уголку и такая меня жуть взяла, что и сказать нельзя. Как глянет на меня с врат Архистратиг огненными очесами, так я и полѣз назад из церкви. Страшен он и сияющ ликом, невозможно на него грѣховному человѣку глядѣть... Нѣтъ, видно попаду я в ад... Ах, и на что ты меня, маменька родная, на свѣт родила... Да и куда-ж мнѣ теперича буйную головушку свою сложить!.. — и пойдет.

Как-то надоѣло водяному слушать глупое пьяное нытье. Рыкнул, аж лѣс содрогнулся:

— Эй! Дѣвки!.. А ну, помните его хорошенько!

И не успѣл глазом моргнуть Зотов, как налетѣли бурей со всѣх сторон голотѣлые сонмы и, с хохотом тиская, щекоча и подбрасывая, понесли в воду.

— Господи Иисусе!

Водяным дѣвкам только попадись в руки! Груды у них горячія и упругія — от прикосновения в огонь превращается кровь, а начнут мять да тискать — в ледяной водѣ пот ручьями полется с живого человѣка. Поцѣлуи их тягучи и ядовиты, сладостной отравой пронизывают тѣло и от ласк их, как пьяный, шатается послѣ обезматѣвшій человѣк. Им же — веселье.

Вот, когда, охватив рыбалку жарким живым кольцом смуглых тѣл, закужили и завертѣли онѣ Зотова, предостерегающе донеслось по водѣ:

— Не утопите дурака!

Тишка же от нестерпимых ласк развеселившейся нечисти обалдѣл мгновенно и, задыхаясь, только стонал от поцѣлуев и дико вращал бѣлками, пока снова не рывкнул водяной:

— Будя!.. Отпустите-ка...

И веселья водяныя дѣвки со звонким смѣхом понесли вслѣд вырвавшемуся из цѣпких их рук рыбалкѣ; заглядывая в лицо, мчались и щекотали вѣтром несчагося по кустам, камням и лужам Зотова... Долго потом видѣлось во снах провинившемуся рыбалкѣ — дикій бѣг в темном лѣсу, визжащіе красные рты, огненные глаза и жаркія груди...

* * *

Тоненькая кареглазая учительница Алена Андреевна вечером выходит на крылечко. Любит она смотрѣть, как нѣжный вечерній сумрак опутывает станичныя хаты, как синіе загадочные дымы, вертятся, вылетают из труб и красными огнями свѣтятся окна. И, Бог ее знает, — может-быть вѣрит она тому, что рассказывает ей примостившійся рядом на ступенькѣ Тихон Григорьевич Зотов. Глаза у нея под черными бровями глядят далеко... Дивился на эти глаза много лѣт еще назад Зотов и особенно на брови — волосы у учительницы свѣтлые, а брови — черный бархат.

— Водяной... он — весь зеленый, ну вот как винная бутылка, а шерсть его черная, — почти шепотом сообщает рыбалка, — на головѣ имѣет плѣшь, на скулах тоже блестит и еще на брюхѣ шерсть вылѣзла; брюхо у него круглое, тоже блестит. Глаза маленькіе, уши тоже... А сам толстый, как наш поп Андрей... и больше он в водѣ сидит...

Племянницу свою очень уважает Тихон Григорьевич: не гнушается учительница шяницей и неудачником-сродственником. Братец Ефим с того времени, как стрясло несчастье и заил оттого Тихон, рыбалку и на порог не пускает. А было время: когда выдѣлился Тихон, и закипѣло под его руками хозяйство, Ефим вѣчно лебезил перед младшим братом. Прошло все... погубло прахом. Сгорѣло... ребяташки баловались — курить учились — зажгли солому. Пол станицы выгорѣло. Ефима не тронуло. Умерла потом и жена... Послѣ все в ни-

зость произошло. Теперь послѣдній человек — Тишка Зотов.

Идя к учительницѣ, ничего хмельного в рот Зотов не берет — сердится племянница и бранится.

— Сорока, глупая птица, водяного не любит и дразнит завсегда, — наклоняясь бородежкой, продолжает Зотов.

— Почему? — спрашивает Алена Андреевна.

— А видишь ты... Летѣла раз сорока над водой и увидала — блестит что-то. „Ага“, думает, „рыба“... И клонула... Скажи на милость, к чему сорокѣ рыба? Ышь, что тебѣ полагается. Ну, водяной ее лапой — цап за нос, да и окунул раза три как слѣдует. Сорокѣ это и обидно, с того она на него сердается всегда и дразнится. Но в глаза ему смотрѣть ей нельзя: ихней сестрѣ это — смерть.

— Что-ж он злой?

— Ничего не злой. Ну сурьезный человек.

И по мѣрѣ того как темь все гуще обволакивает учительницу „хвигаль“, рассказы Зотова все становятся ярче, оживленнѣй... Рассказывает он, как потѣшаются в ночное время рѣчные нежити, как голыя водяныя дѣвки с огненно-красными ртами пляшут на водѣ, плетя живыя цѣпи вокруг ухмыляющагося веселого водяного; как старый кривой бѣс со свѣчею бродит по лѣсу, ища забытый клад... И глаза Алены Андреевны раскрываются все шире и, не отрываясь, глядят на рыбалку. Погружаясь в созерцаніе, иногда замолкает Зотов...

— Ну? — нетерпѣливо требует учительница.

Зотов встряхивается.

— Ей-Бо, все правда, что говорю, ничего не брешу... Вот — святая Икона...

Когда же рыбалка говорит о том, как водяной однажды отдал его самого на забаву дѣвкам, учительница опускает глаза и как-то нехорошо усмѣхается.

— Что-ж, у „него“, навѣрное, и золото гдѣ-нибудь на днѣ спрятано, — перебивает она.

— А то? У него там в сундуках — чего хочешь? Все есть. И вино... и золото, и серебряные ножи и одежда — так вся огнем горит от камней...

Наговорившись о нечистой силѣ, вспоминают учительница с Тихоном давнее свое житье-бытье. Глядя в темь, проникаются оба ароматом давно ушедшаго и видит себя Алена Андреевна маленькой непосѣдливой дѣвченкой... Вот в хатѣ тускло горит лампа, мать Аленки гремит горшками, перетирая посуду полотенцем, а Аленка жалуется:

— Мама... Ну зачѣм мнѣ учиться? Дѣвчата не учатся, а я все с учителем?

Мать, высокая, полная, трет чашку и извиняющимся голосом говорит:

— Ничего, Аленка. Вот поучишься лѣтом, а потом поѣдешь в Черкасск, в гимназію тебя отдадим... Вырастешь, будешь учительницей.

— Мама, — уговаривающе опять тянет Аленка, — да на что мнѣ учительницей быть? Ну?.. Ну зачѣм?.. Я уже итак знаю больше, чѣм всѣ дѣвчата. Смотри: — четыре правила арифметики знаю, даже дроби учила; по граматикѣ тоже все выучила; падежи всѣ знаю до одного, ну?..

— Да-а, унучка, — тянет и дѣд с печки, — вот в восемьсот девяносто втором году бо-ольшой падеж был...

Аленка досадливо машет рукой:

— Это совсѣм не то, дѣдушка, — и снова уговаривает мать. Мать безпомощно жметя и кротко говорит:

— Я, Аленка не понимаю в твоих ученіях, я вѣдь необразованная. И не знаю, сколько ты выучила. А ты не горой. Будешь учительницей, нас не позабывай, чадушко.

Помнит Алена Андреевна, как приходил к ним дядюшка ея, вѣчно веселый, с шуточками, и своей племянницѣ гостинцы всегда носил.

— Какой вы тогда красивый были, дядя, — говорит рыбалкѣ задумчиво учительница и пристально глядит на заросшія щетиной щеки Зотова. Зотов смущенно усмѣхается:

— Давно вѣдь это было. Мнѣ тогда двадцать второй год пошел, — говорит он.

— А мнѣ десятый. А теперь мнѣ уже двадцать... Я вас, дядя, так ревновала тогда к вашей женѣ... Плакала...

Зотов смѣется.

Увлечшись воспоминаніями, учительница смотрит в темь и молчит.

Молчит и Зотов...

Учительница, наконец, встряхивает головой и глядит долго на рыбалку. В уголках губ у нея что-то трепещется, но глаза становятся злыми.

— У вас же руки золотыя, — набрасывается вдруг она на Зотова, — вѣдь вы же, дядя, если захотите, сразу впереди всѣх будете!.. Ну?.. Зачѣм пьянствуете?!

Смутившійся Зотов хочет что-то сказать, но Алена Андреевна, не слушая, поднимает голос еще выше:

— Что вы за казак такой? А?.. Ударило раз у вас над головой, вы и раскисли. Вы же так совсѣм пропадете!.. Посмотрите на себя: небритый... Чего ради бороду себѣ отпустили? ну?..

Учительница, сверкая глазами, даже вскакивает с мѣста.

— Сбрейте бороду!.. Сейчас же сбрейте бороду!.. — кричит Алена Андреевна и двигается на пятящагося от стремительнаго натиска рыбалку.

— Да что ты, Алена? — наконец возвышает голос изумленный Зотов, — чего дуришь? Что я молоденькій, что-ли? Бороду сбривать!..

Учительница трясет кулаками в негодованіи.

— А то старый, что-ли? Вам всего тридцать два года!..

— Да вѣдь засмѣют в станицѣ!..

Разсерженная учительница так и брызжет обидными словами, и переконфуженный Зотов рѣшается за благо скрыться за ворота.

— Ну и придет же ей в голову, — удивляясь, шагает по черной улицѣ Зотов. И ухмыляется: — вот бы кто увидѣл, как она на меня насакивала! Чего ей вздумалось? Вот чудеса-то...

Утром, знает Зотов, что все уладится. Племянница дружелюбно примет свѣжих сазанов и, угощая дядю чаем, будет сама хохотать над вчерашней своей выходкой.

... Низко над землею протягиваются черныя волонныя туч. И, вонзив кроваво окрашенный рог свой в тучу, виснет с неба молодой мѣсяц...

(Окончаніе в слѣд. номерѣ).

При всѣх обращеніях в редакцію и контору журнала пишите разборчиво адрес:

»Volnoje Kazačestvo«. — Jagellonska, 24, Praha — Žižkov. — Č. S. R. — Tchecoslovaquie.

Иван Колесов.
(Прага).

Казачество.

Эх, вы люди!... Казачество Вольное... и глядѣть-то на вас уже жалко, как за двѣсти вы лѣт измелчали: тяжела, знать, Россійская палка. А давно-ль старики говорили: „С Дона выдачи нѣтъ“. Сильных волей людей то присловье — Вольным были народом тогда, а теперь... превратились в сословье.

На Москву, по дѣлам Войсковым, Зимовая-ль станица, бывало, приходит: непреклонный и гордый ея Атаман рѣчь с Москвою, как с равной, заводит.

А теперь — и обидно и больно поглядѣть на бойца-казака, как он гнется пред барином в фракѣ, и берется за шапку рука. И, отвѣсивши в пояс поклон, он в приѣмной униженно жметя, а появится барин — опять и опять в три погубели гнетя.

Эй, вы люди!! Казачество Вольное! Гдѣ учились вы гнутья пред барином? Не в Москвѣ-ли учились вы гнутья перед первым Россійским боярином?

Научились исправно, Ей-Богу! — знать, на пользу вам ласка державная... Хорошо-ж заплатила за службу Богоносица — Русь Православная!

Наклоняя чубатая головы, непокорных сгибая к подножью, разорила Москва благодарная, разорила гнѣздо Запорожья.

Отсѣкая упрямыя головы, воздавая за вѣрность сторицей, отхватила Москва Кременная и у Дона немного землицы.

Эй, вы люди!!! Казачество Вольное!. Не пора ли сошедшия в Круг, во Кругу разсудить не пора-ли — кто же недруг и кто-же вам друг?!!

7-X-1925.

.....

Ис. Быкадоров.

Происхожденіе казачества и возникновеніе Вольных казачьих Войск.

(Краткій очерк)*

I.

Обширная Восточно-Европейская равнина, большую часть которой занимала Европейская часть б. Россійской имперіи, исторически представляла двѣ различных полосы, двѣ особых стихіи: степную и лѣсную.

Линія, раздѣлявшая их, начинаясь приблизительно от южных подножій Карпат, проходила южнѣе г. Кіева, по р. Роси, далѣе через устье р. Воронежа подходила к р. Волгѣ у теперешняго г. Камышина. И в степной полосѣ были разбросаны лѣса: и узкими полосами по теченію рѣк и отдѣльными островами (в Донском бассейнѣ).

Степи в чистом видѣ, без каких либо признаков лѣсной растительности, простирались к югу от нижняго теченія р. Дона, доходя до предгорій Кавказскаго хребта, Черноморскаго и Каспійскаго побережій, а на востокѣ, от р. Волги, гдѣ онѣ соединялись с безпредѣльными степями Сибири и Туркестана.

Историческая жизнь в этих двух полосах была совершенно различна.

В степной полосѣ, до образованія Русскаго государства, на протяженіи 2-х тысяч лѣт, одно послѣ другого, существовали государства: Скифское, Босфорское (в приморской части), Сарматское, Остготское, Гуннское и, наконец, в концѣ VII в. по Р. Хр. возникла Хозарская имперія, или каганат.

Близость степной полосы к морским путям, а через них воздѣйствіе и вліяніе на народы степной полосы цивилизованных стран древняго міра (Персіи, Арменіи, Греціи, а потом преемницы ея Византіи, Рима, Арабскаго калифата), тучный чернозем, готовыя свободныя про-

странства для земледѣлія — все это было условіями довольно высокаго развитія народов степной полосы, начиная от скифов и кончая хозарами.

Уничтоженіе стараго государства в степной полосѣ вызывалось не естественной смертью, влѣдствіе старости, а было слѣдствіем исторических условій: передвиженія с востока на запад, из предѣлов Азіи в Европу, новых кочевых воинственных народов. Под ударами новых переселенческих прибоев часть народов существовавшаго государства из степной полосы уходила на запад, часть оставалась и с новыми народами образовывала новое государство. Остававшіеся народы вносили необходимую преемственность государственную, культурную, народно-хозяйственную в новое государство.

Исторической наукой установлено существованіе славян в степной полосѣ в составѣ Остготскаго и Гуннскаго государств. Большая часть их (славян) с другими народами передвинулась на запад, но значительная часть оставалась в степной полосѣ.

Хозарская имперія возникла послѣ ухода гуннов в предѣлы Зап. Европы в VII ст. по Р. Х. При наступившем переселенческом затишьи в степной полосѣ, она достигла значительнаго развитія, находясь под сильным вліяніем двух культур: арабской и византійской; на значительной ступени развитія находились и славяне степной полосы, входившіе в состав Хозарской имперіи, как коренные обитатели южных степей и Азовскаго и Черноморскаго побережій. Хозарская имперія представляла союз народов, — каждый народ, объединенный общей государственной властью, имѣл свое внутреннее устройство и управленіе, сохраняя свою религію, свой быт и т. д. Хозарами называлось одно из тюрских племен, но это названіе вполнѣдствіи распространялось на всѣ вообще тюрскіе народы. Страны их между Кавказским хребтом и р. Доном носили наз-

*) Настоящій очерк естъ краткое извлеченіе из историческаго изслѣдованія того же названія и того же автора, готовящагося к печати.

ванія: Чигія (Цигія, Зихія), Казахія (Касагія); Панапія: далѣе до Каспійскаго побережья и низовьев р. Волги жили алане (асы, ясы). Указанныя три вѣтви одного и того же тюркскаго народа носили общее название и казахов (касагов), и черкасов, и чигов.

По р. Волгѣ жили другія народности тюркскаго-арскаго происхождения: буртасы, мордва, черемисы и камскіе болгары; послѣдніе представляли из себя смѣсь с славянами.

Цѣлый ряд арабских и византійских писателей и археологическіе памятники с непреложностью устанавливают существованіе в степной полосѣ в составѣ Хозарской имперіи славянскаго народа, носившаго общее название — русь, руссы.

Мѣстопробываніе их: Азовское и Черноморское побережья, бассейн нижняго Днѣпра и Дона с Сѣверским Донцом. Арабскіе писатели устанавливают мѣстопробываніе руссов и в других районах — по р. Волгѣ и в самой столицѣ Хозарской имперіи, в устьѣ р. Волги, в Болангарѣ (Итилѣ), и в г. Камском Болгарѣ близ устья р. Камы.

В началѣ IX в. по Р. Хр. Хозарская имперія представляла могущественное государство с широко развитой торговой дѣятельностью: столица ея Болангар (Итилъ) являлась весьма значительным торговым пунктом того времени между Европой и Азіей.

В Хозарской имперіи в началѣ IX в. по Р. Хр. обозначилось три района со своими центрами (городами), имѣвшіе громадное торговое значеніе в жизни этого государства.

Камская Болгарія, страна с развитым земледѣліем, являлась посредником в торговлѣ между ядром Хозарской имперіи и сѣверными и сѣверо-восточными странами. Особенно цѣнными предметами торговли были мѣха и металлы.

Другой важный по торговлѣ район был в низовьях Дона, захватывая обѣ стороны Азовскаго побережья; здѣсь в низовьях р. Дона был расположен г. Руссія или Артана, центр приазовских руссов. Громадное значеніе, едва ли не самое важное, приобрѣтал еще один район руссов — бассейн нижняго и средняго Днѣпра с г. Киевом, или Куябой по арабски.

Гор. Киев лежал на торговом рѣчном пути „из варяг в греки“, из Балтійскаго моря в Черное, и на торговом пути из Зап. Европы на восток в Азію. Послѣдній путь шел от Киева по Днѣпру и лѣвым притокам его, через переволки соединялся с правыми притоками Сѣв. Донца, или с рѣчками, впадающими в Азовское море; дальше путь шел к г. Руссіи (Артанѣ) и далѣе к столицѣ Хозаріи.

Путем „из варяг в греки“ и г. Киевом, как торговым пунктом, пользовались варяги (норманны), но пока Поднѣпровье входило в состав Хозарской имперіи и находило опору в ея военном могуществѣ, очевидно, варяги не дѣлали никаких попыток к захвату этого торговаго пути и г. Киева.

Как Камская Болгарія со своим центром, городом того же названія, так и Поднѣпровье с г. Киевом, центром руссов (часть которых русская лѣтопись называет полянами), были очень важными торговыми районами. В них была широко развита торгово-промышленная дѣятельность; создавались свои самодавлѣющія цѣли. Народы этих областей имѣли свое управление, свое устройство. Естественно, у этих народов, при осознаніи своих интересов и самодавлѣющих цѣлей, должны были складываться и развиваться устремленія к отрыву от Хозарской имперіи. Камскіе болгары и другіе народы, ближайшіе их сосѣди, были тюркскаго происхождения, близко родственными хозарам, руссы же Поднѣпровья и Приазовья были народом инородным, кромѣ того они попадали под вліяніе и воздѣйствіе главным образом Византіи, — одним словом в Поднѣпровьѣ складывалось еще болѣе предпосылкой для отрыва от Хозарской имперіи, чѣм в Камской Болгаріи.

Лѣсная полоса была оселена различными финскими племенами еще до Р. Хр. Благодаря тому, что они проникли в нее без знания земледѣлія, а в лѣсной полосѣ оно самобытно возникнуть не могло, эти племена вели полубродячій образ жизни, существуя рыболовством, звѣроловством, охотой, а на крайнем сѣверѣ и

оленоводством, оставаясь сотни лѣтъ на одной и той же ступени первобытной культуры.

Славянскія племена проникли в лѣсную полосу в V-VII в. по Р. Хр. из Карпато-Днѣстровских областей, вытѣсненные из послѣдних передвиженіем остготов и гуннов. Новая стихія не могла не оказать сильнаго вліянія на измѣненіе народно-хозяйственной дѣятельности, быта, религіознаго культа и самаго характера славян. Двух-трехвѣковое пребываніе их в лѣсной полосѣ привело к культурному упадку, к вырожденію воинственнаго характера, предприимчивости и энергіи. В ином положеніи были славяне лѣсной полосы, осѣвшие в районах, прилегавших к Балтійскому морю — славяне ильменскіе или новгородскіе.

Условія их народно-хозяйственной жизни были близки к условіям славян-руссов, тяготѣвших к Черному и Азовскому морям.

Перед образованіем государства руссов, или русскаго государства в бассейнѣ Днѣпра, началось проникновеніе хозарскаго государства в лѣсную полосу; радимичи и кривичи платили дань ему, но общее вліяніе и воздѣйствіе на славян лѣсной полосы было еще весьма ничтожным.

Славяне лѣсной полосы по своему низкому развитію и состоянію не могли явиться элементом образованія государства, они могли послужить лишь матеріалом для развитія государства, уже образовавшагося.

Выше мы указали на 2 окраинныя области Хозарской имперіи: Камскую Болгарію и Поднѣпровскую Русь, на их значеніе для государства и их положеніе.

В самом началѣ IX ст. по Р. Хр. произошло новое движеніе народов с востока: Угры (венгры), обитавшіе по обѣ стороны р. Волги, к сѣверу от Волго-Донской переволки, под ударами печенѣгов вынуждены перемѣниться на запад и осѣли между Днѣпром и Доном и Сѣв. Донцом. Печенѣги направили свои удары и против ядра Хозарской имперіи. Хозары вынуждены были заключить союз с другим народом тюркскаго происхождения — узами (торками), насаждавшими на печенѣгов с сѣвера-востока. Для защиты своих торговых путей — воднаго и караваннаго, хозары с помощью византійских инженеров в 836 г. по Р. Хр. построили на Дону крѣпость Саркен.

К этому времени Камская Болгарія, этой внѣшней силой — передвиженіем печенѣгов и занятіем ими нижней Волги и Дона, была оторвана от Хозарской имперіи, что и явилось внѣшним фактором образованія из нея самостоятельнаго государства.

Передвиженіе венгров на запад продолжалось нѣсколько десятков лѣтъ, а печенѣгов и торков — около двух столѣтій; окончательно они были вытѣснены на запад. За Днѣстр, новым народом — половцами, в срединѣ XI стол.

Это передвиженіе венгров, печенѣгов, торков было внѣшним фактором отрыва и Поднѣпровской Руси (Кіевской) от Хозарской имперіи и образованія из нея самостоятельнаго государства.

Хозарской имперіи невозможно было удержать своих окраин, не под силу было выдерживать удары кочевников и удары арабов из-за Кавказских гор: окраины предоставлены были самим себѣ.

Отрыв Камской Болгаріи от ядра Хозарской имперіи произошел ранѣе по времени, чѣм Поднѣпровской Руси, потому что движеніе народов (венгров и печенѣгов) шло с востока на запад, поэтому из Камской Болгаріи возникло самостоятельное государство ранѣе, чѣм из Поднѣпровской Руси. Но в срединѣ IX в. по Р. Хр. Русское (Кіевское) государство*) уже существо-

*) Необходимо отличать Русское государство, возникшее в бассейнѣ Днѣпра, от значительно позже образовавшагося Россійскаго государства. Первое, послѣ нашествія татар, вошло в состав Польско-Литовскаго государства. Ряд княжеств, образовавшихся из смѣшенія славян лѣсной полосы с финнами, носящих в нашей исторіи названіе Сѣверо-Восточной Руси, вошло в состав Золотой Орды. Из этих княжеств в концѣ концов образовалось одно Московское княжество. Послѣ разгрома им Новгорода образовалось Московское

вало, как таковое, настолько с'организовалось и было настолько сильным, что под водительством своих мѣстных князей-вождей Аскольда и Дира предприняло морской поход против могущественной в то время Византии.

Но вклинение между Поднѣпровьем и ядром Хозарской империи сначала венгров, а затѣм печенѣгов повело к разрыву самих руссов, разрыву между Русью Поднѣпровской (Кіевской) и Русью Приазовской.

Передвижение кочевников — венгров, печенѣгов, торков, было причиной и того, что часть руссов, занимавших степную полосу, вынуждена была постепенно вселиться в лѣвую полосу (на южную окраину ея); руссы, обитавшіе к востоку от Днѣпра, вселились в Кіевскую и Черноморскую области; руссы, обитавшіе к западу от него, по р. Ингулу, Южн. Бугу, Днѣстру (угличи, тиверцы, дулѣбы) были отодвинуты на Запад и, в концѣ концов, вынуждены были подняться вверх по этим рѣкам и вселиться в лѣсную полосу (Волынь).

Отрыв Кіевской Руси, ослабление ея хорошо были извѣстны варягам (норманнам), прочно завладѣвшим уже Ильменскими славянами, центром их — Новгородом, и распространившим свою власть и на финскія племена.

Дружины варягов и новгородцев во главѣ с Олегом, своим предводителем, двинулись на Юг и силой обладѣли Кіевом.

Произошло сложение сил мѣстных и пришельцев. Видимо, сложение это произошло легко, во имя взаимных интересов.

Значение варягов в развитіи государства — не шире значения вооруженной силы, опоры власти вождя. Количественное и качественное значение принадлежало руссам; государственный, административный аппарат состоял из варягов. В дружинѣ, при дворѣ, в княжение Олега господство принадлежало варягам, но с ним оно началось, со смертью его оно и окончилось.

Уже при преемникѣ его, князѣ Игорѣ, господство принадлежало руссам и тюрским элементам; это видно из того, что, как в первом, так и особенно во втором посольствѣ Игоря, при заключеніи мира с Византией, подавляющее число лиц посольства состояло из руссов, а не из варягов.

Был ли сам Игорь варяжскаго происхождения или иного, что болѣе вѣроятно, не существенно. Перед началом княженія Игоря произошло значительное вселение руссов из степной полосы в Кіевскую и Черниговскую области, что видно, между прочим, из того, что в лѣтописи Русь (как войско) упоминается отдѣльно наряду с варягами, полянами, коренными руссами.

Со времени Святослава, князья и по внѣшнему облику и по воспитанію были славянами — руссами, а не варягами; вліяніе варягов окончательно исчезло.

царство. Юго-Западная Русь, бывшее Русское государство, усвоило вмѣсто прежняго названія названіе Украины.

Во второй половинѣ XVII в. (при Алексѣѣ Михайловичѣ) путем добровольнаго соединенія 3 составных равноправных единиц: Московскаго государства, Украины и Юго-Восточнаго Вольнаго казачества образовалось Россійское государство. Украина и Вольное казачество не присоединялись к Московскому государству — а объединялись в одно государство, как составныя части под одной царской (Московской) династіей.

Сухопутные походы могли осуществляться лишь при наличіи вооруженных сил руссов, союзных печенѣгов и торков, т. е. при наличіи конницы, а ее давали только эти народы.

Походы Святослава, а затѣм и Владимира на юго-восток имѣли задачей овладѣніе Хозарским наслѣдством, послѣ сильнаго ослабленія имперіи, главное, присоединеніе Руси Приазовской. При Владимирѣ Св. (в концѣ X в.) Приазовская Русь вошла в состав Русскаго государства и дана была им в удѣл старшему сыну Мстиславу, под именем Тмутараканскаго княжества.

Владимир Св. был в полном смыслѣ создателем Русскаго государства; при нем не только были объединены всѣ восточные славяне степной и лѣсной полосы в одно государство, но он дал и содержаніе для единства и дальнѣйшаго развитія славянскаго народа: крещеніе Руси в 988 г. было фактором не только религиознаго значенія, но и культурнаго: внесло в государственную жизнь письменность.

Владимир Свят. становится почти обладателем наслѣдства Хозарской имперіи; препятствовали лишь печенѣги, но побѣда над ними была лишь вопросом времени.

Варяжскія дружины, как наемное войско, еще продолжали участвовать в жизни Русскаго государства. В междоусобной борьбѣ, борьбѣ за Кіевскій престол, Кіевскіе князья прибѣгали к помощи их, в то время как другіе — к помощи Руссов Приазовских, ясов и касагов, печенѣгов.

Так Ярополк, сын Святослава, в борьбѣ против брата своего Владимира опирался на силы юга, руссов, обосновавъ свой стан в г. Роднѣ, в устьѣ р. Роси, а Владимир, отправившись в Новгород, прибѣг к помощи варяжских дружин. Сила была на сторонѣ юга, т. е. на сторонѣ Ярополка. И только благодаря гибели своих братьев Владимир Св. стал единственным владѣтелем Русскаго государства.

По смерти Владимира началась борьба между его сыновьями. Старшій сын, Мстислав, боролся при помощи сил руссов приазовских, касагов и ясов, а Ярослав при помощи новгородцев и варягов. Побѣду опять дали силы юга и только благодаря великодушію старшаго брата Мстислава, Ярослав занял Кіевскій стол. Р. Днѣпром Русь была раздѣлена на 2 части: правобережная Мстиславом была отдана добровольно Ярославу, а лѣвобережная с Черниговским и Тмутараканским княжествами оставлена им за собой.

Со времени Ярослава варяги, и как наемное войско, исчезают без слѣда, в них не было уже никакой необходимости.

Таким образом, Русское государство (Кіевское) возникло из окраины Хозарской имперіи, из славяно-руссов, при чем имѣли мѣсто преемственность основ государственности и преемство культуры.

Общеніе, тѣсное соприкосновение, сосѣдство с тюркскими народами были длительными и не могли оказаться без вліянія на славян-руссов: они оказывали вліяніе и на язык, и на быт, и на самый характер послѣдних. Вѣроятно, что был значителен и прилив тюркской крови. Вліянія же варягов ни один еще из русских историков ни в чем не обнаружил. Славяне же лѣсной (сѣверо-восточной) полосы позаимствовали начала государственности, гражданственности и культуры от славян-руссов.

(Продолженіе слѣдует).

Просьба ко всѣм авторам и корреспондентам — направляемая в журнал рукописи писать четко и на одной сторонѣ листа.

О. Бълоус.

Симон Петлюра.

(По поводу Парижскаго процесса).

В Парижѣ состоялся процесс, привлечшій к себѣ вниманіе всего міра тѣм клубком сложных отношеній, какими он вызван и какія лишь отчасти на нем были вскрыты.

Убийство вождя украинскаго національно-государственнаго движенія инсценировано, как еврейская месть за еврейскіе погромы на Украинѣ, отвѣтственность за которые еврейство силится возложить на Петлюру.

Послѣ всего, что обнаружилось на процессѣ, об этих попытках нельзя говорить серьезно. Украина с начала большевицкой оккупации ея территории, стала ареной непрерывной войны со всѣми неизбѣжными ея эксцессами, и главная доля этих эксцессов лежит на совѣсти большевицкой провокаціи; число пострадавших при этом евреев составляет лишь небольшую часть всѣх жертв из среды основнаго украинскаго населенія. Продолжающееся упорство еврейских позицій просто объясняется стремленіем еврейства всего міра получить гдѣ-нибудь и на чем-нибудь реванш за все, что оно когда-либо и гдѣ-либо претерпѣло. Это стремленіе привело его в объятія той большевицкой провокаціи, которая так очевидна в парижской трагедии. Главнѣйшая цѣль этой провокаціи состоит в том, чтобы в лицѣ крупнѣйшаго представителя украинскаго движенія запятнать и дискредитировать это послѣднее.

Момент еврейскій сыграл во всем этом дѣлѣ безславную роль громоотвода для цѣлей совсѣм иного порядка. Что это именно так — лучше всего видно из полнаго совпаденія позицій по отношенію к парижскому процессу со стороны всѣх противников украинской государственной независимости, убѣжденным и непоколебимым борцом за которую и был покойный Симон Петлюра. На самых противоположных политических концах империалистических тенденцій — среди русских большевиков и русских монархистов, со всѣми посредствующими между ними оттѣнками русской политической мысли, — личность борца за независимость Украины встрѣтила совершенно одинаковое к себѣ отношеніе.

Причину даннаго явленія слѣдует, очевидно, искать в одинаковости тѣх империалистических мотивов, которыми обильно насыщена русская политическая мысль, воспитанная на крѣпостнических традиціях единой самодержавной Россіи. Какія ни возникали бы политическіе формы и режимы и в Россіи и на Украинѣ, — пока Москва останется Москвой, а Украина — Украиной, не прекратятся московскіе аппетиты на матеріальныя блага украинской земли и на самый дух украинскаго народа, который, согласно московской идеологии всѣх идейных лагерей, должен служить удобреніем для созданія культурных цѣнностей единаго недѣлимаго „русскаго“, фактически московскаго, народа.

Так было, так, очевидно, и будет. Великій ураган революціи на востокѣ Европы уничтожил много старых суевѣрій политических и социальных, но не устранил главнѣйшаго заблужденія — московскаго зоологическаго націонализма, на котором так пышно расцвѣл московскій государственный идеал — російскій империализм.

Основы этого идеала коренятся в глубинѣ вѣков. Не успѣлъ еще твердо стать на ноги первый суздальскій князь, родоначальник московской государственности, как тотчас же у него первые планы созданія государственнаго центра на сѣверѣ соединяются с мыслью о необходимости разрушить старый центр кievской державы. И вот еще в XII столѣтіи происходит то же, что затѣм повторяется неоднократно, повторилось и на наших глазах: стремительно налетают сѣверныя полчища на украинскую столицу, грабят, жгут, не щадят и святынь кievских, даже чудной кievской Софіи. От Андрея Боголюбскаго до Ленина-Сталина совершается неизмѣнно то же самое. Украина подвергается политическому угнетенію, экономическому рабству, получает в дар крѣпостное право; старая украинская культура подвергается мѣрам варварскаго уничтоженія, самое слово украинское, как таковое, подвергается неслыханным стѣсненіям и даже полному запрещенію. Тому же, с большими или меньшими ограниченіями, подвергаются и другіе народы, территории которых вошли в состав Россіи. Характерно при этом, что государственный центр разрушал всякія проявленія независимой или областнической политической мысли даже на территории великорусскаго племени; стоит вспомнить кровавыя расправы Москвы с вольными Новгородом и Псковом в старину, постепенное прибираніе к рукам вольнаго Дона — со времени московских царей до Деникина и Врангеля включительно.

На почвѣ этих нездоровых политических тенденцій и выросли тѣ русскія настроенія, которыя так опредѣленно проявились во время парижскаго процесса и нашли себѣ соотвѣтствующее выраженіе в русской эмигрантской прессѣ рѣшительно всѣх оттѣнков. Это — настроенія стараго государственнаго крѣпостничества, совершенно не считающіяся не только с требованіями права, но и с очевидными фактами самой жизни, как когда то не желали ни с чѣм считаться крѣпостники при распрѣпощеніи угнетенных народных масс. Этими настроеніями и опредѣляется отношеніе русских кругов к парижскому процессу — их враждебное, доходящее подчас до захлебывающей злости, отношеніе к жертвѣ парижскаго погрома. Русскіе империалисты всѣх толков единодушно обрушиваются на Симона Петлюру, как на „самостійника“, как на врага Россіи, как на врага „русскаго народа“.

Да, Петлюра, как представитель украинской государственности, возглавлявший оккупированную московскими большевиками Украинскую Республику, действительно был врагом России, — но какой? России империалистической, простиравшей свои руки на чужое, развращавшей душу самого русского (великорусского) народа тенденциями насильственного захвата и угнетения, и заслужившей непочетную кличку „тюрьмы народов“. Как человек глубокого государственного понимания и искренний демократ, Петлюра врагом русского народа не был, — для него право каждого народа на свободную самостоятельную жизнь было священно и неприкосновенно, и если бы праву русского народа угрожала с этой стороны опасность, он выступил бы убежденным защитником этого права точно также, как был защитником нарушенного права других — угнетаемых народов. Не Петлюра, как глава украинского правительства, не украинское правительство, не украинский народ начали войну с Россией большевиков и с Россией Деникина —

Врангеля. Они только вынуждены были поднять брошенную перчатку и сдѣлали это во имя жизненных интересов своей родины. И если бы у руководителей добровольческой армии оказалось больше государственного смысла и меньше старых захватных тенденций, то они не совершили бы так трагически окончившейся ошибки, — не подняли бы полученного от западных союзников оружия против армии Украинской Народной Республики; опираясь на честный и добросовестный союз с этой армией, они могли бы нанести смертельный удар тому врагу русского народа (как и всѣх народов бывшей России), который прочно сидит теперь в Москвѣ — сердце России.

Пока будут живы империалистическія тенденции, трагическія послѣдствія их будут также неизбежны. Борьба с такими тенденциями и с послѣдствіями их — задача всѣх, кто искренно желает порядка и мира на Востокѣ Европы, а единственный путь к этому — политическая независимость народов и областей, имѣющих к тому волю.

Д-р - инж. С. Федоров.

Записки самостійника *)

I.

Нѣсколько вступительных слов.

Одним из интересных и серьезных вопросов, который еще требует долгаго и обстоятельного изучения, в цѣлях правдиваго и всесторонняго освѣщенія, есть проявленія суто-казачьяго націонализма или „национализма“, как его берут в кавычки лица, не рѣшающіяся признать за казачьими стремленіями их національно-казачій характер, а вмѣстѣ с тѣм не находящія иного термина, болѣе подходящаго, который исчерпывающе выявлял бы характер казачьяго движенія и его цѣлей.

Казачій націонализм в продолженіе долгих столѣтій, да и в современный нам період, проявлялся в разнообразнѣйших формах казачьяго сепаратизма или близких к нему явленій, коим лицами, мало или вовсе не разбирающимися во внутренней структурѣ казачьяго духа, присваивалось понятіе „сословной“ борьбы. В особенности этим термином любят злоупотреблять советскіе историки и писатели, изслѣдователи казачьяго быта и, вообще, сторонники идеи единства русского народа.

Этот казачій сепаратизм был причиною болѣе или менѣе частых и разнообразных по своей силѣ неурядиц и политических завирюх, от которых сильно страдали не только коренныя казачьи территоріи с их населеніем, но и земли политических владык казачества и его сюзеренов. В неменьшей степени он причинял не мало хлопот и непріятностей и государствам — сосѣдям казачества.

Много было пролито казачьей крови и легло прахом и пеплом казачьяго достоянія в борьбѣ за волю и свою государственность; рѣдко какой народ переносил, не потерявъ своего національнаго духа, такіе катастрофическіе разгромы, какіе припадали на долю казачества. И много еще загинет и понесется к небесам казачьих душ вмѣстѣ с дымом пепелищ, пока казачество добудет и вернет себѣ все то, чѣм оно владѣло в отдаленной старинѣ, и что потеряло волею судеб, — са-

мое драгоценное, что является идеалом каждого народа и никогда не забывается каждой исторической націей, — свой суверенитет, государственную независимость.

Пуля и сабля были одинокими орудіями казачества в оборонѣ, помощниками и пособниками в добываніи своих прав. Но теперь, в вѣк культурных человѣческих достиженій, в вѣк торжества общечеловѣческих идеалов, — этого мало, и даже больше — исключительное пользованіе ими вредно и неубѣдительно. Казачество нуждается в иных пособниках для обороны своих исконных исторических прав — прежде всего в естественных своих союзниках — націях, огроженных в своем существованіи, да в наукѣ и в разумной разсудительности; этими путями можно доказать и сдѣлать болѣе того, что может доказать оружіе, и скорѣе достигъ желательных результатов. Многочисленные примѣры этого мы видим в появленіи на міровой сценѣ цѣлага ряда мелких государств, достигших своего права государственной независимости не террором и оружіем, а силою тонкаго ума національной дипломатіи и подержкою других народов.

Святая обязанность всѣх вѣрных сынов казачества, перековавших мечи на орала и вмѣсто сабли взявших в руки книгу и перо, прійти на помощь Родинѣ в дѣлѣ ея освобожденія и внести свою лепту в дѣло казачьяго государственнаго строительства, пока на то хватает сил и средств.

Казачество, как своеобразное явленіе южно-стѣпных предѣлов восточно-европейской равнины, давно уже привлекало к себѣ взоры и мысли ученых. Не мало имѣется литературы по этому вопросу, но она в большинствѣ — однобока, страдает историческими натяжками и предвзятостями построений и не дает нам того самаго главнаго, в чем нуждалось бы казачество — освѣщенія социологических процессов в той его части, которая народилась и выросла на широких степях черноморско-азовских предѣлов и в Предкавказьѣ; народилось и возникло не из ласки королей польских и великих князей литовских и московских, а возстало

*) С украинскаго. Из цикла докладов „Казачья Нація“, читанных в семинарѣ социологій в Украинской Господарской Академіи в Ч.С.Р. в 1925/26 уч. году.

как самобытное явление всѣх тѣх степовых процессов, которые отбывались за орбитой московскаго и литовско-польскаго государства, и которое носило и носит название Вольнаго Казачества. Потомки его, казаки Дона, Кубани, Терека еще и теперь населяют историческія земли их предков и отстаивают их своею грудью так же, как отстаивали в старыя времена их предки.

Соціологія и націологія казачества есть еще та неизвѣданная область, в которую зовет вѣрных сынов своих Вольное Казачество, ожидая от них удаления всѣх тѣх вѣковых налетов, которыми вольно и невольное, свои и чужіе, в течение цѣлых столѣтій покрывали казачество, искажая его бытіе и духовную сущность.

Спеціальной серьезной научной литературы, посвященной казачеству, — немного, да и то большая часть ея касается Войска Запорожскаго. Содержание ея, большей частью, охватывает военную историю казачества, благодаря чему в широких кругах болѣе или менѣе извѣстна лишь служба казаков по расширенію границ, по охранѣ их и его участіе в войнах.

Серьезных изслѣдованій, которыя были бы посвящены вопросам происхожденія казачества, как самобытнаго явленія черноморско-азовской степной жизни, политических и социальных процессов, протекавших там, ни в нашей, ни в иностранной литературѣ не было; принималось за истину то, что было установлено о казачествѣ еще не в столь отдаленныя времена московскими теоретиками.

Между тѣм, указанные вопросы представляют чрезвычайно большой интерес, как опыт разрѣшенія самим казачеством вѣковѣчных задач строительства жизни на началах воли и равенства.

Вольное казачество — есть практическій, жизненный путь исканій и достижений форм человѣческаго сожителства на основах народоправства.

Еще, в извѣстной степени, ученые украинскіе круги, которые были и остаются болѣе заинтересованными в изслѣдованіи казачества, вносили многое в сокровищницу этих знаний. Но работы их, в большой мѣрѣ, имѣют мѣстный характер и посвящены главным образом судьбам реестроваго казачества и Запорожья, создавашаго в свое время, послѣ четырех столѣтій упадка государственной жизни древней Руси — Украины, самостоятельное украинское государство под названием Войска Запорожскаго.

Изслѣдованія бытія Войска Донскаго, как Войска старѣйшаго, и выдѣлвшихся от него впоследствии, с одной стороны — войск урало-сибирских, а с другой — кавказских, украинскіе ученые не касались, а российскіе не удѣляли им должнаго вниманія, между тѣм, как это явствует и из событій нашего времени, общность казачьяго существованія сильно переплетает и крѣпко связывает между собою общую участь казачьих Войск, как в далекой старинѣ, так и теперь у всѣх Войск — наследников стараго Вольнаго Казачества.

Мы постараемся прослѣдить соціологическіе процессы вѣ прошлом и настоящем Вольнаго Казачества, насколько нам позволяют знакомство с казачьим бытом и ограниченное количество спеціальных матеріалов, и прійти под углом зрѣнія современной нам соціологической науки, к извѣстным выводам и заключеніям, имѣющим непосредственное отношеніе к современным нам тенденціям казачьей „самостійности“ в дѣлѣ государственнаго его строительства.

II.

О самоопредѣленіи казачества.

Осенью 1917-го года, в самый разгар „великой, безкромной“ российской революціи, в сердцѣ древней Украины — Руси, отбылся общеказачій сѣзд представителей всѣх казачьих Войск и фронтовых частей, на котором торжественно, с сознанием неоспоримаго убѣжденія, было провозглашено, что казачество является отдѣльной вѣтвью народов.

Это провозглашеніе было в связи с состоявшимся там же, в г. Кіевѣ, в сентябрѣ мѣсяцѣ сѣздом угнетенных народов, на котором казаками был предявлен соответствующій меморандум. В нем они, подчеркивая свое право на самоопредѣленіе, выявляли тѣ же самыя пожеланія, как и остальные порабощенные народы, ища у них поддержки в достиженіи своих законных прав.

Разумѣется, что такое выступленіе, необычайное в то время, произвело необыкновенное впечатленіе и вызвало цѣлый ряд самых разнообразных сужденій и толков. Это был період, когда еще „самостійническія“ тенденціи еле-еле начинали пробиваться через толщу убѣжденія в необходимости сохранить общерусское единство, когда наиболѣе смѣлые и рѣшительные вожди нерусских народов, пребывавших под верховной властью сверженнаго императора, не шли далѣе мечтаній о федеративном устройствѣ российской республики.

Провозглашенный казачеством лозунг требовал доведенія его до логическаго конца и, внося раскол в общерусское племенное единство, совершенно раскопался с планами и построениями социалистическаго большинства, в понятіях котораго казачество было только лишь сословіем, пережитком социального строя царской Россіи, обреченным на немедленное превращеніе в обыкновенных граждан и слияніе со всей массой российской народа.

Нѣтъ сомнѣнія, что выступленіе казачества должно было имѣть в своем основаніи твердое убѣжденіе, покоющееся на фактическом положеніи казачества, и научное обоснованіе в правотѣ своего лозунга, ибо оно шло в разрѣз с тогдашним мнѣніем всей российской общественности; да и не только российской, но и чужестранной, так как оно выступало против укorenившейся в Россіи и всем свѣтѣ обыкновенной схемы казачьяго происхожденія.

Это был смѣлый и отважный шаг, который опирался не только на интеллектуальное осознаніе своей социальной и племенной отдѣленности от остальной массы русскаго народа, но и на историческія матеріалы. Работы и изслѣдованія казачьих дѣятелей и ученых в области казачьяго прошлаго и труды тѣх чрезвычайно рѣдких казачьих историков, из среды степовых и кавказских казаков, которые не шли протоптанными дорожками построеній московских теорій, давали возможность казачьим представителям научно подкрѣплять свои домогательства. Идеологи и защитники казачьей отдѣленности не пользовались симпатіями „единонедѣлимцев“ всѣх націй и народов, а поэтому им давали пренебрежительную кличку „ура — казаков“ или „казакманов“, способных облечь и самаго праотца Адама в штаны с лампасами или череску.

Без сомнѣнія, подобныя проявленія казачьяго націонализма не оставались без вниманія сторонниками крайняго критицизма, которых было достаточно как среди российских, так и иных представителей племенного и національнаго единства. Они были склонны разсматривать казачество только как продукт социально-экономических взаимоотношеній конца XV и послѣдующих вѣков в польско-литовской и московской государственных системах.

Однако, они не оказали отрицательнаго вліянія на участников Сѣзда порабощенных народов, который постановил:

1. Признать казачество среди народов Российской Республики самостоятельной вѣтвью, которая образовалась благодаря особым обстоятельствам исторической жизни и имѣет всѣ права на независимое существованіе.
2. Всѣми способами поддерживать стремленіе казачества к упорядоченію своей жизни на основах самоопредѣленія.
3. Привѣтствовать присоединеніе к Сѣзду народов Вольнаго Казачества, как полноправнаго члена круга вольных народов Российской Демократической Республики, перестроенія которой на федеративных началах они домогаются.

Київській С'їзд народів бывшей Російської Імперіи морально піддержав казачество. Он совершенно серьезно огнеся и к казачьим представителям на с'їздѣ и к их требованіям, среди которых лозунг федераціи занимал первое мѣсто.

Всѣ эти положенія были одобрены послѣдним общеказачьим С'їздом, состоявшимся в концѣ октября в Києвѣ.

Представители казачества во Всероссийском Учредительном Собрании имѣли руководствоваться подобным проявленіем казачьяго народа, и дальше казачество вездѣ стойко отстаивает принцип Російской федеративной республики, в которой казачьи государственныя образования — Войска мыслятся составною частью.

Старая казачья интеллигенція, в большей своей части, принимала общерусскій взгляд на племенную нераздѣльность казачества от всего русскаго народа. Это был результат вѣкового воспитанія в общем направленіи единой російской культуры; тѣм не менѣе, старая интеллигенція весьма часто во время позднѣйшей борьбы за волю, болѣе интуитивно, нежели сознательно, проявляла как раз тот самый казачій націонализм, что и младшіе казачьи энтузіасты, в болѣе или менѣе ясно выраженных формах и стремленіях. В особенности показательными в этом отношеніи были Круги и Рады.

Это обстоятельство констатировал даже такой непримиримый в отношеніи „сепаратистических мечтаній“ дѣятель, как Милуков, указывая на то обстоятельство, что даже представители умѣренного казачества, т. наз. „автономисты“, как кубанцы так и донцы, твердо стоят за свои „Учредительныя Собранія“.

Болѣе передовая часть казачьих „отцов“, молодое казачье поколѣніе и дышащая непосредственною массою казачьяго люда цѣликом принимала выдвинутый лозунг самоопредѣленія. Черноземная казачья сила всегда была и есть болѣе правдивым выразителем своего естественнаго тяготѣнія к Волѣ и независимости, не считаясь ни с языком, ни с религіей, ни с общностью племеннаго происхожденія своего властителя и противника.

Разумѣется, что в массѣ это не было проявленіем осознаннаго національно-казачьяго чувства, а скорѣе инстинктивным чувством необходимости законченной національной организаціи, в цѣлях охраненія своего біологическаго существованія, которому постоянно грозили со всѣх сторон, при чем одноплеменная народности гораздо болѣе, чѣм чуждокровные элементы.

Казачество создало необходимость опредѣленной самостоятельности в рѣшеніи вопросов своей государственности, основанной на началах народоправства и хранившейся в казачьей общественной жизни в формах, близких к древнему вѣчевому устройству.

Национально-казачьи стремленія вполне соотвѣтствуют духу времени и имѣют под собою глубокую почву.

Минувшая свѣтлая война, принесла міру неисчислимыя бѣдствія, поставила на порядок дня вопрос о переустройствѣ существующих государственных тѣл и образованій на основѣ самоопредѣленія народов; она же поставила вопрос о правѣ на существованіе „малых народов“ и „малых націй“.

Вмѣстѣ с тѣм она принесла и коренное измѣненіе в нѣкоторых отношеніях уже закоренѣвших форм умственнаго мышленія и пробудила народы в их массах от той вѣковой спячки, которая внезапно смѣняется революціонными порывами.

Оковы минувшаго начали лопаться, и на сцену міровой жизни вышли новые народы. Но не всѣм народам, мечтавшим о своем суверенном существованіи, принесла война волю; для нѣкоторых из них, обезкровленных и обезоруженных, обезсиленных годами тяжелой борьбы, судьба сковала еще горшіе оковы и еще болѣе отдалила надежды на самостоятельное государственное существованіе.

Съ особенной яркостью процесс самоопредѣленія развился под вліяніем разнообразных причин на территоріи бывшей російской имперіи, гдѣ к нашему времени возникло безчисленное множество государственно-

национальных образованій, хотя бы и с весьма призрачною суверенностью.

Демократія всего свѣта приняла лозунг самоопредѣленія и провозгласила его за неотъемлемое право каждаго народа, но, к сожалѣнію, примѣненіе его было разрѣшено „побѣдителями“ только для тѣх народов, самоопредѣленіе которых принесило опредѣленныя выгоды для побѣдителей. Вслѣдствіе этого, остались обойденные народы, угнетенные еще болѣе, при наличіи напр., в Совѣтском Союзѣ власти „народной“, чѣм были угнетаемы в прежнее довоенное время при автократіи.

Им не помогло ни природное право челоуѣчества, ни кровавая борьба за независимость.

Особенно же тяжело переносит свою судьбу вольный Казачій Народ, в правѣ котораго на самостоятельное существованіе вряд ли кто может сомнѣваться, ибо казачество, всего лишь в XVIII столѣтіи утратившее свою независимость, в 1917-м году, через каких-нибудь двѣсти, а то и менѣе, лѣт, возродило свое государственное бытіе со всѣми его элементами — территоріей, властью и народом, боролось за него и до сих пор не склонило покорно голову на порогѣ новых властителей.

Даже такіе великіе централисты, как російскіе эс-эры, которые считали казачество историческим пережитком, уже готовы признать право на независимое существованіе за всѣми народами и областями, если они путем правдиваго народнаго выявленія воли показали свое стремленіе к государственной самостоятельности, хотя и с оговоркой про согласіе сохранить интересы Россіи.

Правда, слѣдует указать здѣсь же на то, что самое „модерное“ эсэровское созданіе — Соціалистич. Лига, союз наиболѣе радикальных эсэров, русских и украинских, бѣлорусских и армянских, совершенно обошла и замолчала казачій вопрос в своей программѣ, как бы не признавая прошлаго казачьей государственности 1917—20 г.г. за „правдивое выявленіе народной воли на самостоятельное существованіе“. Есть в том доля вины и самого казачества.

Казачество имѣет свою исторію, законы, свое право и обычаи, но... „просвѣщенная“ часть казачества слоняется между различными русскими и украинскими политическими партіями и національно-политическими лагерями, как будто бы она не имѣет возможности открыто, без всякой недоговоренности, не стыдясь, выразительно заявить о своей принадлежности только к тому національному тѣлу, с которым она связана рожденіем, кровью и убѣжденіем — чисто казачьему, національно-казачьему, что так ясно, недвусмысленно и опредѣленно выражено в Основных Законах старѣйшаго казачьяго Войска — Всевеликаго Войска Донскаго.

К сожалѣнію, та интеллигенція, которая должна по праву играть роль національных вождей казачьей массы, стыдливо замалчивает радикализм донской конституціи и склонна представлять ее как продукт революціоннаго угара, за который слѣдует конфузиться перед единым русским народом.

Пора знать казачеству, что злостная критика его естественных стремленій со стороны различных „націонал — единонедѣлимцев“ не имѣет под собою основаній, ни научнаго, с точки зрѣнія современной нам науки-націологіи, ни историческаго, ибо казачество в далекой его старинѣ опредѣляло себя как отдѣльный народ и исповѣдывало это твердое убѣжденіе еще до половины XIX ст., как свидѣтельствуют о том записанныя преданія и сказанія, и как говорит нам это первая казачья запорожская конституція 1710 года¹⁾, начинающаяся торжественными словами:

¹⁾ Pacta et constitutiones legum libertatumque Exercitus zaporoviensis inter illustrissimum dominum Philippum Orlik, neoclectum ducem exercitus Zaporoviensis, et inter Generales Colonellos, nec non eundem exercitum Zaporoviensem, publico utriusque partis lando conventa ac in libera electione formali iuramento ab eodem illustrissimo duce corroborata, anno Domini 1710 aprilis 5, ad Benderam.

„Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Бога, во Троицѣ Святой славимаго,

Нехай станеться на вѣкопмную войска Запорожско-го и всего народу Руському *) славу и памятку!“

(Продолжене слѣдует.)

Гн. Білий.

Кубанська Рада 1917 року.

(З нагоди 10-ої річниці першої Ради).

Десять років тому назад зібралася перша Кубанська Рада, більше ніж після сто двадцяти річної перерви. Скликало її перше Кубанське Військове Правительство на 24 вересня (сентября, по ст. ст.), але Рада зібралася лише 29 вересня (здається через запізнення представників кубанських військових фронтових частин). Сесія Ради тяглася майже два тижні, до 11 жовтня (октября).

Страшліві події, що настали потім на Кубані, війна з більшовиками і нещасливий кінець її, якось затерли і зменшили значіння і наслідки тієї Ради, тоді як в дійсності, подія ця заслуговує як найбільшої уваги і не через те лише, що це була перша Рада після більш ніж сто двадцяти річного розриву, а тому, що вона зібралася перша, як суверен Кубані, і все те, що робила Рада 1918 року і наст., було лише кращим чи гіршим виданням праці і рішень Ради р. 1917. Бо та Рада вирішила ще тоді всі головні питання тієї доби і вирішила непогано.

Щоб правильно зрозуміти значіння першої Ради 1917 р. і належно оцінити її працю і рішення, треба з'ясувати попередню коли і в яких умовах вона збиралася, хто і з якими настроями на неї прийшов і які завдання перед нею стояли.

Перша революційна влада на Кубані утворилася явочним порядком. То був „Вр. Кубанській Областной Исполнительный Комитет“. Цей Комітет скликав перший „Областной С'їзд“ 9—21 квітня (апрѣля, ст. ст.)*). Цей З'їзд визнав Тимчасовий Російський Уряд, вітав майбутні Всеросійські Установчі Збори і утворив на Кубані місцеву владу „волею народа“ — „Кубанській Областной Совѣт“ і „Кубанській Областной Исполнительный Комитет“. Для рішення справ, що торкались Кубанського Козачого Війська, утворено було при К. О. И. Комітетові окрему „комісію“.

Треба взагалі підкреслити, що в ті часи — часи „весни“ революції — серед російської революційної демократії не тільки козаки, а навіть і слово „козак“ не було у великому фаворі. Тоді ніби само собою розумілося, що прийшла пора „розкозачувать“. Козакам в такій „атмосфері“ було ніяково, але їти проти „революції“ не відважувались. Козакам незрозуміло було, як це так, що їхня історія мусить ніби то скінчитись в один день... Розчарувались козаки, але З'їзд нічого реального в руки не дав і інгороднім. Тому може, якось байдуже поставилась Кубань і до тих „вищих“ органів влади, що їх залишив З'їзд.

Розіхався З'їзд. Осталися козаки самі на свою Раду. По суті це була скоріше нарада козачої частини З'їзду. Из комісії при Обл. Комітетові твориться „Кубанское Войсковое Правительство“ — виконавча влада Кубанського Козачого Війська. Цим ще ні в якій мірі не порушувались прерогативи Обласного Комітету, як влади „державної“. Але скоро ролі помінялись. Фактично козацтво визнало Військове Правительство с во їм Урядом взагалі. В початку липня (юля) стався і формальний розрив в „Областном Совѣтѣ“, після якого Комітет остаточно повисає в повітрі, а Військове Правительство фактично і юридично (бо це визнав і пред-

ставник Тимчасового Всеросійського Уряду на Кубані К. Л. Бардіж) стає владою Краєвою.

Немає міста зупинитися детально на цій, в перші часи глухій боротьбі козацтва с російською революційною демократією, репрезентанткою тоді кубанських інгородніх (ні одного українця!), але слід підкреслити, що спор був не лише із-за того, що „городовики“ хотіли землі, а козаки не хотіли її дати (бо і не мали чого давати!), не тільки тому, що „городовики“ вже дуже поспішали „розкозачити“ козаків, як найскорше прирівняти „отсталую Кубанскую Область“ до „просвѣщенних“ і „преуспѣвающих“ руських губерній, а що і тоді вже ясно намітилась боротьба сил та ідей централістичних, „единонедѣлимческих“ с силами та ідеями децентралістичними.

Відносини між козаками та інгородніми помітно почали портитись в кінці літа. Джерелом ворожнечі було незадоволення останніх, які нічого реального ще не дістали від „революції“, і те, що козаки не були в стані самі задовольнити їхні вимоги, не кажучи вже про те, що вони не були і зобов'язані це робити. Крім того, з півночі в той час уже віяло більшовицьким вітерком. Інгородні відходили в бік більшовизму, козаки намічали свій шлях в бік самостійності.

Становище козаче було трудне ще тому, що в ньому самому не було в початку єдності між „батьками“ та „дітьми“. Першими будівничими, першими камінщиками кубанської державності були „батьки“. Цікаво, які були і як мінялися в той час настрої „дітей“ — козацтва фронтового. Перша зустріч „фронту“ і „тилу“ була на травневому (майском) З'їзді фронтовиків в Катеринодарі. Діти не були задоволені працею своїх батьків — владою, що утворив її квітневий З'їзд, себ то „Кубанским Областным Исполнительным Комитетом“. Більше всього незадоволені були фронтовики „уступками“, які козаки зробили городовикам на З'їзді. Інше було потім, в-осени: фронтовики незадоволені були незгодами дома. Але згоди, без того, щоб чим не поступитись своїм, досягти було неможливо.

Коли скликався перший „Областной с'їзд“, ніякого питання про кубанське горожанство (гражданство) не було. То був З'їзд всього „російського населення“, яке в той час вільно чи невільно перебувало на території Кубані. Після того, як на чолі Кубані стало Військове Правительство, із всіх питань внутрішньої політики, це питання взаємовідносин між козаками та городовиками стояло ввесь час на першому місті.

Велика заслуга Військового Правительства в тому, що воно поставило це питання на єдино правильний шлях: воно з'язало вирішення „інгороднього“ питання с питанням про те, хто кубанець і хто некубанець. Військове Правительство скликало першу, дійсно К у б а н с ь к у Військову Раду з тих, хто мав неспорне право на кубанське горожанство: з козаків, горців і корінних інгородніх, залишаючи вже самій Раді остаточне вирішення питання про інші групи населення.

В Росії в той час революція „углублялась“, Уряд і його апарат розвалювались, більшовики зміцнювались. Перед Військовим Правительством ставали питання про державний устрій Росії та про долю і місто в ньому Кубані. Чим далі, тим було ясніше, що прийдеється ці питання про долю і місто вирішати самій Кубані, надходили часи, коли кожний мусив думати і дбати про себе. Так само питання стояло і для Дона, Терка, України і ин. Кубань починає говорити в першу чергу

*) українському.

**) З'їзд складався з козаків, горців і інгородніх. Представниками і провідирями інгородніх була виключно „російская революційная демократія“; козацтво на з'їзді було заступлено „батьками“; представників „фронта“ не було.

с козаками і кавказськими народами. Ставиться питання про „Юго-Восточный Союз“. 20-24 вересня (сентября, о ст. ст.) в Катеринодарі відбувається з того приводу перша козака конференція (представники від Кубані: Ів. Макаренко, Гн. Білий і сотн. Кісіль). Ця конференція ставить і питання державного устрою Росії, висловлюється за федерацію (так його вирішала тоді ще і Україна) і телеграфно заявляє про це Всеросійському Тимчасовому Урядові в Петрограді.

29 вересня збирається Рада. Найголовніше питання, що стояло перед Радою, було: „Земство“ чи Конституція? далі: справа будучого державного устрою Росії, Всеросійські Установчі Збори, „Юго-Восточный Союз“ і інші.

Рада ухвалила про вступ Кубані до „Юго-Восточного Союзу“; ухвалила брати участь і у Всеросійських Установчих Зборах та встановила свій список для Кубані. Рада, далі, висловила за вільну федерацію вільних народів, як форму державного устрою Росії. Але центральним містом праць Ради було питання: „земство“ чи Конституція?

Іногородні на літній сесії „Областного Совѣта“ за всяку ціну хотіли провести „земство“. Козаки на осінній, першій своїй Раді 1917 р. почали будувати Кубанську Державу — Штат *) майбутньої федерації вільних народів б. Росії. Перш за все Військова Рада проголосила Кубанську Область — Кубанським Краєм, а себе Кубанською Краєвою Радою. Далі Рада ухвалила першу Конституцію Кубанського Краю, текст якої був запропонований Військовим Правительством (докладчик Іван Макаренко). Згідно цій Конституції Кубань перетворювалась в демократичну, парламентарну республіку. Джерелом всякої влади на Кубані проголошувалась воля її населення. Законодавча влада належала парламентові — Законодавчій Раді. Краєва Рада залишила за собою компетенцію Установчих Зборів. На чолі влади виконавчої ставились Військовий Отаман і Кубанський Краєвий Уряд. В. Отаманові, як президентові, належало і право *veto*, що до законів, ухвалених Законодавчою Радою. По цій же конституції права кубанського горожанства було визнано лише за корінним населенням Кубані: козаками, горцями та корінними селянами-іногородніми (які були визнані тоді „правомочними“. Термін цей ужито тому, що в ті часи не можна було ще і рота відкрити, щоби говорити про кубанське горожанство).

Така постановка питання була цілком правильною і єдино можливою, спорним було лише те — поскільки треба було розширити чи звужити категорію корінних

*) Слово Штат походить від німецького слова Staat, що значить: держава, государство.

іногородніх. Звичайно, що в умовах мирного життя і це питання нашло б собі більш доцільне рішення, але життя тоді було не мирне, а перспективи ще гірші.

Таким чином ми бачимо, що ідея кубанської державности вийшла не із негачії (отрицання) козацтва, а виросла: із „Кубанського Козачого Війська“ до „Кубанського Краю“ а потім (в початку 1918) „Кубанської Народної Республіки“. „Військо“ розширило свій склад, заволодило всім своїм краєм і виросло в Республіку — Державу.

Слід підкреслити, що федералізм Ради, ухвалена нею Конституція а особливо явочний порядок введення її в життя тоді, коли існував ще законний Всеросійський Уряд, зустріли з боку російської революційної демократії і не демократії таке обурення, счинився в тому лагері такий галас, що козакам треба було добре тримати свої нерви, щоби не зійти з шляху, на який стали.

В самій уже Раді, на її засіданнях, довелося витримати дуже палку боротьбу з представниками Всеросійського Уряду: п. п. комісарами: К. Л. Бардіжом а особливо Н. Н. Ніколаєвим та Н. С. Долгополовим. Рада не послухала законного російського державного Уряду а ухвалила лише сповістити його про те, що вона зробила.

Коли Рада ухвалила Конституцію, вирішила питання про явочний порядок її введення та обрала, згідно схваленної Конституції, першого свого президента—Військового Отамана, комісар Всеросійського Уряду К. Л. Бардіж (який і до того досить мляво, з обов'язку, захищав прерогативи Державного Уряду Російського) 10 жовтня (октябрю, ст. ст.) зробив Раді заяву, що з того моменту він, сам кубанський козак, підлягає рішенням Ради і не вважає себе надалі комісаром російського Уряду на Кубані.

Це був момент надзвичайної ваги. Це, власне, з цього уже моменту розірвались звязки Кубані з російським Урядом, бо К. Л. Бардіжа Кубань до того часу визнавала як комісара Тимчасового Російського Уряду. Інших, ні до того, ні після того, — ні.

Першим Отаманом — Президентом обрано було полк. О. П. Філімонова. Було три кандидати: Лінія виставила Філімонова, Чорноморія — одні (Таманці та Катеринодарці) К. Л. Бардіжа, другі (Ейці) ген. А. Кіашко. Українці розділились — виграв Філімонов. Але дивлячись зараз назад, треба сказати, що із цих трьох кандидатів для Кубані найкращим був К. Л. Бардіж. Він міг би бути в ті тяжкі часи, що наступили скоро потім, тим ватажком, якого кубанцям під час війни не хватало.

Вибори О. П. Філімонова — невдалий и нещасливий крок Ради, за який Кубань заплатила дуже дорого.

Н. П.

Большевики и національный вопрос.

I

Національний вопрос на території б. Росії розвивався в прошлом в удушливой атмосферѣ царскаго режима, понятно, весьма ненормально, принимая все болѣе и болѣе уродливыя и болѣзненныя формы.

Виновно в этом прежде всего было, конечно, царское правительство, благодаря своему бюрократическому централизму и антинародческому фанатизму.

Не малая доля ответственности за это падает, однако, тоже и на русскую общественность, которая не сумѣла или не хотѣла понять болѣе широкой и единственно правильной восточно-европейской масштаба национальной проблемы в быв. Росіи, сознательно и упрямо трактуя ее исключительно в русском аспектѣ, т.-е. в интересах односторонне понимаемой русской государственности.

Правда, лѣвые и демократическо-социалистические круги русской общественности в своих программах признавали иногда принцип самоопредѣления угнетенных

народов, но, к сожалѣнію, эти программныя утверждения имѣли исключительно декларативный характер, не оказывая вліянія на реальную политику этих общественных групп или политических партій.

Понятно, что это не могло содѣйствовать развитію нормальных взаимоотношений между окраинами и центром, между „инородцами“ и великорусским народом.

Міровая война, вызванная ею революція в Восточной Европѣ, затѣм конференція мира внесли нѣсколько основательных поправок в довоенныя теоретическія построения національнаго вопроса на территории б. Росіи.

Февральская революція и Временное правительство не сумѣли, к сожалѣнію, договориться с окраинами. Не поняли автоном.-федералистических стремлений окраинных народов, привѣтствовавших революцію, как залог Новой Росіи, одною из главных задач которой, по их мнѣнію, должна была быть окончательная ликвидация

национального гнета и справедливое разрешение национального вопроса.

Революционный Петроград не понял их, считая национальные требования окраин опасными для дальнейшего успешного развития революции.

Огонь революции не сжег, таким образом, старого недоверия между окраинами и центром. Взаимоотношения между „инородцами“ и государственной нацией — стали снова безнадежно напряженными.

Октябрьский большевистский переворот, ликвидировавший февральскую революцию, имѣл, поэтому, перед собой довольно благоприятную почву для национально-творческого конструктивизма.

Надо сказать, что большевики умѣло использовали все грѣхи и ошибки в национальном вопросе своих предшественников, — но только для нужд своей партийной политики.

Национального вопроса ни вообще, т. е. теоретически, ни конкретно, т. е. в предѣлах захваченной ими территории — они практически не рѣшили.

Теперь послѣ десяти лѣт деспотического царствования большевиков взаимоотношения между окраинами и центром С. С. С. Р. еще больше напряжены, чѣм в 1917 г., накануне большевистского переворота

II

В национальном вопросе, как и во всей политикѣ, большевики избрали торную дорожку максимальных и демагогических лозунгов, рассчитанных на непосредственный услѣх и совѣм не считавшихся ни с реальными возможностями, ни с фактическим положением вещей.

Если буржуазная идеология во время войны оперировала политическим лозунгом права на самоопредѣление поработанных народов, считая одною из главных своих задач освобождение малых и угнетенных наций, то большевики должны были, конечно, пойти еще дальше по этому пути, провозглашая принципы абсолютной дезаннексии и прав каждого народа на самоопредѣление „вплоть до отдѣления“.

Таким образом, они санкционировали до сих пор государством преслѣдуемый и караемый сепаратизм.

Извѣстна в этом отношении точка зрѣния Ленина, еще накануне войны (1913), каковой он придерживался и во время мировой катастрофы (1914—18) напр. на швейцарских социалистических конференціях (в Циммервальдѣ и Кинталѣ).

Нельзя понять большевистской политической практики в национальном „строительствѣ“, не зная и должным образом не оцѣнивши ленинской теории и идеологии по этому вопросу.

Эта теория и идеология построены очень хитро, представляя возможность государственному аппарату обѣщать угнетенным народам самоопредѣление „вплоть до отдѣления“ и в то же время закабалить их в тиски новаго национального рабства, как это можно наблюдать на тяжелом национальном положеніи окраин в С. С. С. Р.

Для Ленина самоопредѣление наций, а слѣдовательно и борьба их за независимость, отнюдь не цѣль, а только метод социальной борьбы.

Этот лозунг, стало быть, не значит государственного дробления или созидания новых небольших государств. Это только послѣдовательное выражение борьбы против всякаго национального гнета. Цѣлью же является „добровольный союз народов“.

Фактически это слѣдует понимать так, что пролетариат господствующих наций должен бороться за отдѣление поработанных народов, а пролетариат поработанных — стремиться к „добровольному союзу народов“ и даже больше „к слиянію их“, ибо, по мнѣнію Ленина, цѣлью социализма и является преодоленіе мелкодержавнаго атомизма, всякой раз'единенности, а поэтому и национальной дифференціаціи, путем полного слияния народов.

Это не мѣшало, однако, ему чувствовать себя национально великороссом и писать „О национальной гордости Великороссов“, гдѣ чуть ли не á la Карамзин говорит о любви к родному языку и к родной землѣ.

Для других же народов, особенно угнетенных, повидимому дѣлалась извѣстная оговорка (еще в 1913 г.) о цѣлесообразности или нецѣлесообразности практического пользования правом на самоопредѣление народов, что в каждом отдѣльном случаѣ и в партийном порядкѣ должно было рѣшаться „с точки зрѣнія общих интересов социального развитія и пролетарской классовой борьбы за социализм“.

В этой оговоркѣ сказывается узко классовое и партийное понимание социологической структуры нации. Для большевиков нация — это пролетариат, в дѣйствительности еще уже, потому что знак равенства ставился политически между нацией и коммунистической, т. е. большевистскою, партией, поскольку настоящий пролетариат отождествлялся с этою послѣднею также, как для французской аристократии дореволюціоннаго времени — нация была синонимом дворянства.

Конечно, с научной точки зрѣнія такое понимание нации — социологический анахронизм. Но с точки зрѣния практической и особенно партийной политики — это может быть иногда очень полезным, принимая во внимание, что в нѣкоторых окраинах б. Россіи (как напр., на Украинѣ, на Дону (на Кубани), городской пролетариат был русскій или сильно обрусѣвшій.

Большевики отлично использовали это обстоятельство.

Из сказаннаго не трудно видѣть, что ленинизм дал большевикам весьма эластичную теорию и идеологию национального вопроса. Это была великолѣпная канва, на которой красная Москва могла затѣм вышивать любые узоры государственно-национального конструктивизма.

И, в самом дѣлѣ, послѣдующая национальная практика большевиков, как бы она ни казалась парадоксальной и противорѣчащей первоначальным лозунгам „дезаннексий“ и самоопредѣления народов „вплоть до отдѣления“, всегда может быть не только согласована, но и оправдана отмѣченными здѣсь идеологическими принципами теоретическаго ленинизма.

III

На протяжении десяти лѣт существованія большевистскаго режима национальный вопрос в предѣлах Совдепии совершил большую и почти круговоротную эволюцію.

Не слѣдует забывать, что еще перед октябрьским переворотом, а именно в маѣ 1917 г., большевистская партия официально приняла ту ленинскую теорию и идеологию национальной проблемы, о которой была рѣчь в предыдущей главѣ.

Понятно поэтому, что большевики прежде всего осуществляли первую часть своей теории, а именно дезаннекционистическую и сепаратистическую, принимая напр. извѣстную „декларацию прав национальностей Россіи“, гдѣ снова подчеркивалось право на полное, т. е. сепаратистическое, самоопредѣление народов и их абсолютную суверенность.

При Брест-Литовском мирѣ центральный блок „предоставил“ большевикам возможность практическаго примѣненія этой декларации по отношенію к нѣкоторым лимитрофам.

Эта большевистская политика вполне совпадала с теоріей ленинизма о программном поведеніи пролетариата государственной нации в направленіи освобожденія и отдѣленія угнетенных народов.

Но затѣм очередь была за пролетариатом этих послѣдних, который должен был противодействовать национальному сепаратизму во имя универсализма рабочаго класса и стремиться к об'единенію, если не полному слиянію, окраин с государственным центром.

К сожалѣнію, для большевизма — инородческой пролетариат не оказался на высотѣ этой сверхнациональной идеологии, попадая часто в трясины совѣм „буржуазнаго“ национализма и даже шовинизма (конечно, по официальному мнѣнію красной Москвы), и Москвѣ по необходимости пришлось перевоспитывать его в духѣ идеологии чистаго ленинизма.

Нелегкая эта работа и была продѣлана на нѣскольких коммунистических с'ѣздах, а, главным образом, прак-

тически на постепенной выработке национально-административной структуры советского государства, тоже достаточно известной и поэтому не требующей тут специального описания.

Суть этого теоретического и практического реформизма сводилась собственно к государственному централизму, впрочем, идеологически и словесно больше или меньше удачно замаскированному.

Уже в 1918 г. подчеркивался союзный характер советского государства и фактически аннулировалось право выхода из его состава отдельных государственных окраин.

Годом позже эта федеративная форма Совдепии объявлялась одной из „переходных ступеней... к полному единству“.

Через два года, т. е. в 1921 г. (на X съезде коммунистической партии) большевики публично радовались, что они счастливо разрешили национальный вопрос, достигнув не только „мирного сожительства“, но даже „братского сотрудничества национальностей“.

При этом удобным случаем они не забыли, конечно, припомнить идеал государственного единства, по мотивам стратегического и экономического характера.

Эта радость дилась однако не долго, ибо в 1923 г. большевики констатируют необходимость найти конкретно-практическое решение национального вопроса, повидимому, не удовлетворяясь уже своим теоретическим решением.

Дело в том, что на протяжении первого пятилетия существования Совдепии были обнаружены с одной стороны великорусский централизм по отношению к окраинам, [что заставило Ленина, как явствует из его нелегального дневника (запись от 30 XII 1922) думать о необходимости „защитить инородцев от истинно-русских держиморд“ большевицкого издания], а с другой — вышеупомянутый уже национальный шовинизм советских окраин, не хотевших никак понять премудрости национальной философии ленинизма.

Советские инородцы, наконец, в 1922 г. затяли нить в роду антимосковского бунта, требуя разрешения вопроса о правовом отношении и компетенции центра и окраин, чтобы ясен был смысл союзного характера большевицкого государства.

Этот конфликт „ликвидирован“ был июльской (1923 г.) конституцией советского союза, переименованного официально в С. С. С. Р., очевидно к ужасу всех русских патриотов, оскорбленных в своих национальных чувствах кощунственным устранением имени России с официальной вывески Совдепии.

В действительности этот июльский акт еще больше ограничил автономные права окраин, фиктивно и номинально только маскируя „союзную“ конструкцию советского государства.

Вполнѣ прав проф. Милуков, говоря, что „если Р. С. Ф. С. Р. — странная федерация, то С. С. С. Р. — еще более странная „союз государств““.

Это „странно“ — понятно с точки зрения меньшевицкой логики и это вполнѣ, очевидно, укладывается в рамки той ленинской теории наций, согласно которой целью социализма является в конечном счете — „слияние народов“.

Повидимому, красный Кремль слишком увлекся этой „слиятельной“ теорией и практическое осуществление ее на местах вылилось в махровом самодурстве большевицких держиморд, если сам Ленин должен был заняться национальным вопросом на страницах своего дневника, иронией судьбы являющегося в печатном виде запрещенной и нелегальной литературой в стране серпа и молота), осуждая решительным образом большевицкую „великорусскую националистическую кампанию“ по отношению к окраинам, считая политически ответственным за нее ... „Сталина и Дзержинского“ и обращаясь с просьбой к Троцкому выступить на партийном съезде на защиту большевиками угнетаемой Грузии, а, в случае его отказа, думая лично быть адвокатом советских окраин на партийном съезде.

Так был замкнут желѣзный круг большевицкого национального строительства, начавшийся крылатым ло-

зунгом самоопределения народов „вплоть до отделения“ и закончившийся затасканною прозою политического централизма во имя единства государства.

IV

Дальше красной Москвѣ пришлось уже импровизировать и дѣлать необходимые уступки настоятельным требованиям жизни.

Дело в том, что воюя на всевозможных внешних и внутренних фронтах с разными, действительными и мнимыми, своими врагами, большевики упустили из виду своего главного и неумолимого противника — настоящую жизнь, которая вообще не любит „сѣрых теорий“ и, воплоти естественно, не хотѣла вкладываться в жестокую рамку вивисекционного экспериментализма советского политического искусства.

Вопреки коммунистическому гнету, оккупированные окраины, прожившія тяжелые годы военного коммунизма в состоянии национального анабиоза, начали затѣм национально крѣпнуть и действительно самоопредѣляться *via facti*.

Конечно, это явление отнюдь не было заслугой пресловутаго „Наркомнаца“, который мало интересовался судьбою своих инородцев, все свое внимание и заботливость направляя на чужія окраины, порабощенныя буржуазным „вампиром европейскаго капитализма“.

Его главной задачей был экспорт национальной свободы за границу и подготовка экспозитур коммунистических правительств для будущих советских государств на случай дерзновенно ослушавшейся большевицкаго росписания и безнадежно запоздавшей всемирной революции.

Попытка советскаго правительства парализовать эти стихийныя формы национальнаго движения на окраинах принудительной „национализацией“ их правительственных аппаратов, вроде сенсационной „украинизации“ Украины — конечно, были обречены на неудачу, имѣя лишь временное и к тому же исключительно паллиативное значение.

Кратко говоря, и на национальном фронтѣ маккиавеллистическая политика большевиков потерпѣла такой же полный крах, как в свое время понесло централистическое самодурство царскаго режима.

Но война и революція пробудили их националистическое самосознание. Воспитали в них сильныя волевыя стремления. Открыли перед ними свѣтлыя перспективы настоящаго самоопределения.

Наконец, большевицкій демагогическій национальный максимализм первое время тоже содѣйствовал укрѣпленію національной психологіи среди этих обездоленных народов.

Антибольшевицки настроенная инородническая интеллигенція, очутившись на многіе годы в принудительном изгнании за границей, имѣла возможность хорошо использовать свое положеніе и запастись огромною энергією из европейских и мировых первоисточников.

Здѣсь выросли, воспитались и получили прекрасное специальное образование цѣлыя кадры молодого поколения.

Здѣсь — по эту сторону большевицких пограничных столбов — накопились огромныя культурныя капиталы временными изгнанниками оккупированных Москвою инородческих окраин.

В недалеком будущем потенциальная культурная энергія будет примѣнена дома на родинѣ, гдѣ за мученическіе годы большевицкаго произвола была кровью вспахана почва для новаго національнаго возрожденія и настоящаго національнаго освобожденія.

И не за горами уже то время, когда большевицкій кошмар будет хотя живым, свѣжим, но все же историческим преданием прошлаго, и когда на развалинах комиссарскаго социальнаго бреда — в тѣни культурной демократіи пышным цвѣтом воспрянут порабощенныя восточно-европейскіе народы к независимой и мирной жизни, проявляя свою так долго сдерживаемую национально-творческую силу и энергію...

С. Ф. Лантух.

Чешская Маффия.

(Из истории чехословацкого освобождения 1914—1918 гг.)

В истории освободительного движения каждого народа, достигшего и недостижного осуществления своих заветных мечтаний, есть много интересного и поучительного, в особенности для тех малых народов и „неисторических наций“, к которым судьба была менее милостивой и обрекла их еще на долгие годы борьбы за свое освобождение.

Но в особенности является поучительным для борющегося за свое национально-самобытное существование Казачества страничка борьбы чехословацкого народа, посвященная одному из важнейших революционных деятелей его освобождения — „Чешской Маффии“.

Интересна она в смысле поразительной аналогичности настроений, раздробленности сил, притупленности национально-политического самосознания широких масс и их вождей, как бывших к началу борьбы у чешского народа, так и замечательных во всем процессе освободительной борьбы казачества. Поучительна же она практически для нашего настоящего и ближайшего будущего.

Историю „Чешской Маффии“ необходимо проследить и изучить каждому деятелю казачьего освободительного движения; вот почему мы коснемся более широко подготовительных процессов, создавших единый чехо-словацкий фронт, и проследим деятельность Маффии, насколько это позволяло опубликованные скудные источники.

1. Террор в Чехии.

Портной: Гей, пст! Гей, сосѣд, на словечко!

Каменщик: Иди за своим и оставь меня в покоѣ!

П. — Только на словечко. Ничего новаго?

К. — Ничего, развѣ что о новых вещах нам запрещено говорить.

П. — Как так?

К. — Подойдите сюда к дому! Да остерегайтесь!

Герцог Альба, сейчас же по своему прихотѣ сюда, издал приказ, по которому, если двое-трое разговаривают на улицѣ вмѣстѣ, виновны без разслѣдованія в преступленіи: государственной изменѣ.

П. — О ѵе!

К. — Под страхом пожизненнаго заключенія запрещено говорить о государственных дѣлах.

П. — О, тѣ наши свободы!

К. — А наказаніе смертью постигнет каждаго, кто об обращеніи правительства выскажется неодобряюще.

П. — О, наши головы!

К. — А великими обѣщаніями призываются отцы, матери, дѣти, родственники, пріятели, слуги, чтобы доносили особо назначенным судам все, что происходит в жилищѣ.

П. — Зайдите в дом!

К. — Послушным и мирным потом обѣщано, что ни на тѣлѣ, ни на чести, ни на имуществѣ им не будет урона.

П. — Какая милостивость! Всетаки... и т. д. и т. д.

По „Эймонду“ Гете разыгралась эта сцена в Брюсселѣ в 1567 г., в дѣйствительности же разыгрывалась безчисленное число раз в землях Короны чешской в 1915-16 годах... — так начинает повѣствованіе свое в книгѣ „Криминал“ чешскій поэт и писатель (б. инспектор вооруженных сил Ч.-С. республики) І. С. Махар.

Можно констатировать, что в течение послѣдних трехсот лѣт, время от времени, чешскій народ был поощаем преслѣдованіями, как иныя земли землетрясеніями.

Чрезвычайно основательному преслѣдованію подвергся он сейчас же по битвѣ на Бѣлой Горѣ у Праги

в 1620 г. Это преслѣдованіе можно назвать императорским: оно должно было постигнуть революціонное дворянство, но за малым не был разгромлен и весь чешскій народ.

Рѣка крови начала течь между побѣдителями и преслѣдуемыми, — а такая кровь не высыхает никогда.

Преслѣдованіе, которое послѣдовало потом, можно назвать религіозным: ему подверглись книги и народ, который вѣрил иначе, чѣм предписывала святая римско-католическая церковь; но это было несчастьем и для самой церкви — гусситство тлѣло под пеплом в Чехіи всегда — святая церковь посодѣйствовала, чтобы оно тлѣло и дальше.

Дальнѣйшее преслѣдованіе, которое можно приравнять к постоянному землетрясенію, т. к. тянулось долѣе ста лѣт, было преслѣдованіе дворянское — захватывало крѣпостной люд.

Преслѣдованіе меттерниковское было одним из мирнѣйших: оно захватило не только одну Чехію, но и всѣ австрійскіе народы. Мирнѣйшим было потому, что оставляло тѣлу свободу движенія, — было разрѣшено ѣсть, пить, спать, бодрствовать, танцевать, плавать, гулять и т. д., — зато дух был заключен в темную каморку. гдѣ окна и двери были забиты так, чтобы туда не проникло ни свѣта, ни воздуха; поэтому, „бѣдененькая наша чешская литература есть такая кроткая, а будители наши — бѣдные „тихошляпцы“.

Душѣ не разрѣшалось ни видѣть, ни слышать, одним ея желаніем должно было быть: быть добрым поданным своего властелина.

Послѣ 1848 года начинается преслѣдованіе политическое: увольняются неугодные чиновники и учителя, конфискуются книги, закрываются газеты, посылаются в Прагу разные намѣстники, чешскій люд ставится перед нѣмецкими судьями. Так продолжается длинный ряд лѣт, то сильнѣе, то легче, иногда утихая на время, иногда, как бы послѣ отдыха, с новой силой.

Так Чехія дождала до преслѣдованій 1915—1916 г., которая можно назвать преслѣдованіями военного времени. Развивались они приблизительно так. При взрывѣ войны передал император Франц-Иосиф часть своей верховной власти главному военному командованію, представителями котораго были, рядом с верховным главнокомандующим эрцгерцогом Фридрихом, Конрад фон-Гетцендорф, подмаршал Метцгер и полковники Сламечка и Грегори.

Главная ставка обращала свое вниманіе не только на непріятеля внѣшняго, но, что цѣликом естественно, и на вредителя внутренняго.

И эта трагическая для нея ошибка имѣла далеко идущія послѣдствія. Ставка, полагая, что славянское большинство Австро-Венгерской монархіи не проявит достаточнаго воодушевленія в войнѣ с тремя другими славянскими народами, начала с недовѣріем смотрѣть на славянскіе свои народы, хотя большинство их, как показала первая мобилизація, дало лойяльно „кесарево — кесареви“.

Народы молчали, — не было трибуны, не было парламента, — и их молчаніе было сочтено за знак тайной непріязни к имперіи.

Так началось военное воспитаніе — заведен новый дух в школах и училищах: книжки, в которых говорилось о Королевствѣ Чешском, были конфискованы; гербы земель короны Чешской — конфискованы; національные цвѣта, были ли они на одеждах, коробках спичек, на обертках конфет — запрещены; народные напѣвы и народныя пѣсни, столѣтнія и невинныя, как Божій день, — были запрещаемы; были конфискованы пѣсенники, книги, старые сборники, стихи, проза; газеты выходили полныя „бѣлых окошек“ и пе-

чатили статьи, поставляемые полицией, на видном мѣстѣ, под страхом запрещенія изданія, чтобы впослѣдствіи все таки быть закрытыми.

„Подозрительные“ люди — жандармы и государственная полиція имѣли тогда очень много работы. Многих чехов интернировали в лагерях, а в документы их вписывались двѣ буквы — „п. н.“ — „политически неблагонадежный“, которые слѣдовали за ними по всѣм боевым фронтам, вмѣстѣ с постоянным строгим надзором и другими „прятными вещами“; перехватывалась и перечитывалась корреспонденція; люди всѣх возрастов и положеній жили под постоянным полицейским надзором; трактиры, отели, кафе, театры, мѣста для прогулок кишѣли соглядатаями, и доносчики проникали даже в семьи; анонимные доносы дождем лились со всѣх сторон, а на основаніи их производились слѣдствія, обыски, аресты, тюремныя заключенія; дітски-наивныя прокламаціи распространялись между обывателями, и бѣда была тому, о ком могли показать, что он что-либо такое имѣл, читал, или только видѣл. Всѣ гражданскія права были уничтожены, не было личных свобод, не было свобод конституціонных, были только военные суды, которые работали без устали.

Над всѣми висѣли: веревки висѣлиц, пожизненныя заключенія, тюрьма, конфискація имущества. Происходили массовые аресты женщин, студентов, конторщиц, писателей, парламентаріев, управляющих банками, правленій разных корпорацій, мелочных торговцев, рабочих, журналистов, священников всѣх религій — всѣ были подозрительные, цѣлый народ был взят под подозрѣніе. Буквально так, как в Брюсселѣ в 1567 году *) и как было и есть в Казачьих Землях при большевиках.

Душная тишина воцарилась во всем Королевствѣ Чешском. Трусы начали считаться с данным положеніем и шли навстрѣчу тираніи власти. Люди крѣпко-костные говорили: „штыками возможно все доказать на свѣтѣ, но сидѣть на них нельзя. Пройдет это, вѣрим и надѣмся“.

Понемногу, но вѣрно развивались чувство народной общности, смысл о народной чести и народном правосудіи и, как кончики свѣжей травы под каменной глыбой, вырастала надежда.

*) Machar. Kriminál. 5—11.

Но все это было тихо и тайно. Народ молчал.

Эти преслѣдованія 1915—16 равнялись, пожа, суммѣ всѣх преслѣдованій, которыя производились теченіе 300 лѣт.

В таких страшных условіях жил чешскій народ в началѣ Великой войны.

Пока русскія войска находились в Галиціи, а в Прагѣ был намѣстником представитель стараго австрійскаго дворянства князь Тун, преслѣдованія не разворачивались во всю ширь. Здѣсь и там полиція хватала какую-нибудь бабу-торговку, которая трепала языком, что русскіе уже близехонько, через двѣ недѣли будут „здѣсь“, говорил-де прохожій, — баба получала мѣсяцев четырнадцать; или какая-нибудь правительственная особа шла по улицѣ и услышала, что в третьем этажѣ „шкрябает“ кто-то упражненія на скрипкѣ, что-то вродѣ русскаго гимна — конец: кандидат мог отговариваться как угодно, призывать цѣлое небо в свидѣтели, — раз правительственная особа сказала, что слышала русскій гимн, кандидат получал восемь мѣсяцев.

Правительство тогда как-бы поигрывало — так, как голодный тигр ловит порой мух. Только иногда ударяло лапой, когда появлялось что-либо важное, и в газетах читали, что оная неизвѣстная личность „переселилась в Вѣну“. Но душная неопредѣленность лежала все время над Чехіей *).

По проломѣ у Горлицы все измѣнилось — русскіе покатались назад, и над Чехіей разразилась гроза.

А между тѣм ни чешскій народ, ни его вожди не заслуживали, пожалуй, вначалѣ такого отношенія, — Австрія, испугавшись чешских руссофильских симпатій, перегнула дугу; тяжелым молотом дробя чешское національное чувство, она выковала из разрозненнаго и разбитаго внутренней борьбой и неурядицами партійной жизни чешскаго интеллигентскаго круга и простого народа тот булат, который перестѣк потом столѣтнія пути и отрубил охватывавшія его щупальцы австрійскаго осьминога, дав многотрадальному народу чехословацкому жизнь и спасеніе.

*) Machar. Ibid. 14.

(Продолженіе слѣдует).

Международная жизнь.

Великая война стала причиной глубоких политических, социальных и экономических измѣненій в Европѣ.

Обрушилось великолѣпное зданіе военнаго могущества, с такой любовью и старательностью возведенное нѣмцами на протяженіи послѣдняго пятидесятилѣтія. Развалились двѣ великих имперіи, и на мѣстѣ одной из них — в средней Европѣ — появилось нѣсколько новых государств, организованных по принципу національному, а на мѣстѣ другой — на восточной равнинѣ — рядом с новыми государственными образованіями обрисовался чудовищный фантом коммунистической деспотіи, носящей названіе Союза Совѣтских Республик. Карта старой Европы стала неузнаваемой в центрѣ и на востокѣ ея.

Измѣненія, однако, не ограничились смѣщеніем политических границ. Они проникли глубоко внутрь, в самое сердце жизни европейских народов. Почти во всѣх европейских государствах измѣнилось внутреннее соотношение политических сил.

Монархіи средней Европы стали демократическими республиками; в латинских королевствах установились своеобразныя националистическія диктатуры; Британская имперія превратилась в вольный союз самостоятельных государств, связанных между собою лишь узами племенного родства, общими культурными и экономическими интересами.

Но измѣнились не только внѣшнія политическія формы, перемѣстилось и внутреннее сложеніе социальных сил. На континентѣ Европы ликвидировано почти без остатка огромное значеніе стараго класса крупнаго земельнаго владѣнія. В 23-х европейских государствах осуществлена радикальная земельная реформа, передавшая владѣніе землею земледѣльцам, — крестьянам, лично работающим у земли. Сельское населеніе отнынѣ, как организованная сила, принимает дѣятельное активное участіе в политической жизни государства. Одновременно с ним и рабочій класс, улучшившій свое социальное и политическое положеніе, утрачивая рѣзко оппозиціонныя черты своей довоенной тактики, постепенно перестраивает свои заданія в положительном направленіи и впрягается в дѣло государственнаго демократическаго строительства.

Всѣ эти измѣненія, как и многія другія, о которых мы сейчас не говорим (напримѣр, измѣненія во внѣ-европейских и колониальных государствах, о чем будет рѣчь при случаѣ впереди), как слѣдствіе, повлекли за собою появленіе на командных государственных постах представителей новых классов и вообще новых людей, а потому, частью, и новых методов, как во внутреннем политическом обиходѣ государства, так и международном общеніи.

Главною послѣвоенною задачей всѣх государств и народов была консолидація экономических, социальных

и политических отношений, как внутренних, так и внешних. И за девять послѣвоенных лѣтъ европейскими народами в этом направлении проделана огромная работа. Внутри — установлен прочный государственный порядок. Анархическія вспышки погашены, борьба классов и политических группировок введена в строгія рамки законодательных норм. Стабилизирована валюта, экономическая жизнь регламентирована и упорядочена. Во вѣн — реставрирована разрушенная войной сложная сеть международных торгово-промышленных и финансово-экономических взаимоотношений. Обновлено почти в полной мѣрѣ и обычное перед войною для европейских народов интернациональное общение в литературной, научной, церковной и идеологической областях их жизни.

Гораздо болѣе трудной оказалась работа по стабилизации международных политических отношений. Препятствиями были и есть: несомѣстная психология побѣжденных и побѣдителей, неопредѣлившіеся интересы государственных новообразований и самое значение этих интересов, и наконец — грозный очаг анархии, созданный коммунистами на востокѣ Европы.

Но в этом направлении европейскіе народы много поработали и многого достигли. Время постепенно сглаживает острые углы психологии, порожденной жестокой борьбой; экономическое соглашение, состоявшееся между сторонами на основѣ извѣстнаго репарационнаго плана Дауса, окончательно упорядочило финансовые расчеты между побѣдителями и побѣжденными; Локарнскій пактъ объявил рейнскую границу неприкосновенною, Франція и Германия заключили между собою торговый договор, — первый договор послѣ злосчастной войны 1870—1871 годов. Запад Европы отнынѣ стабилизирован политически и, насколько дано человеческому глазу видѣть будущее, военные столкновения в этой части стараго континента представляются, как кажется, невѣроятными.

Нѣсколько иначе стоит вопрос в центральной Европѣ. Общаго соглашения, которое, подобно Локарнскому пакту, покрывало бы собою всѣ противорѣчя между сторонами, здѣсь не существует. Однако, организованная за послѣдніе годы довольно рациональная система региональных соглашений, политических союзов и военных договоров между близкими сосѣдями и с болѣе далекими государствами дает основание думать, что и в этой части Европы вряд ли возможны какія-либо военные дѣйствія в сколько нибудь близком будущем.

Новым в методах умиротворенія и стабилизации Европы, принятых на западѣ и в центрѣ, является то обстоятельство, что всѣ эти пакты, соглашения, договоры и союзы регистрируются Лигой Націй и с этого момента становятся, так сказать, обязательными нормами международных отношений для всего комплекса государств, вошедших в состав этого своеобразнаго интернациональнаго учрежденія, созданнаго в момент политическаго вдохновения на Версальском конгрессѣ и являющагося как бы эмбрионом надгосударственнаго правительства, которому уже сегодня вручено наблюдение над интересами Европы, а частью — и всего міра.

Всѣ эти методы политической стабилизации, принимаемые с таким успѣхом на западѣ и в центрѣ Европы, оказались совершенно неподходящими на востокѣ ея. Дѣло в том, что все то новое, что возникло и утверждается в послѣвоенной Европѣ, как во внутреннем укладѣ государств, так и в международных отношениях, не представляет собою чего-то совершенно новаго. Европа не пролагает сейчас никаких новых путей, — она вернулась только на тѣ линии постепеннаго совершенствования, эволюціоннаго развития своей жизни, которая с такой ясственностью обозначилась для нея уже задолго до войны. Все это „новое“ есть не что иное, как извѣстное движеніе вперед, которое можно было опредѣлить заранѣе и которое только временно было прервано войной. В нѣкоторых, правда, случаях, как это произошло в Италіи и Испаніи, это „новое“ должно быть охарактеризовано, как движеніе назад, но, однако, и там отход назад произведен не на такое далекое разстояніе, чтобы дать эффект разрыва с современным европейским государственным миропониманіем.

С востоком Европы как раз случилось это послѣднее. Коммунистическая банда, в руки которой, по странному стечению исторических обстоятельств, попал огромный аппарат бывшей Россійской имперіи, прикрываясь ультро-передовыми, радикально-соціалистическими лозунгами в своем государственном строителствѣ, отбросила Восток Европы так далеко, — на столько столѣтій, — назад, что утратилась какая бы то ни была связь с европейскою политической дѣйствительностью.

Не испытавши на собственной шкурѣ всѣх государственных прелестей СССР, европеец органически не способен был представить себѣ возможность существованія в Европѣ средневѣковой феодальной деспотіи самаго худшаго сорта. Безполезны были всѣ разясненія многочисленной разнациональной восточно-европейской эмиграціи, — ея показанія опорачивались, как свидѣтельство заинтересованной стороны. Нужны были горькія разочарованія, наглядные унизительные уроки, преподанные в европейских столицах европейским политикам обнаглѣвшими дипломатическими и недипломатическими представителями СССР, чтобы европейское общественное и политическое мнѣніе усвоило себѣ мысль о невозможности вовлечь в орбиту умиротворенія и стабилизации Восток Европы в том видѣ, в каком он сейчас государственно существует.

Процесс усвоенія этой мысли не закончился еще и сегодня в Европѣ, — по крайней мѣрѣ, он не дал еще окончательно опредѣлившіхся результатов. Единой политической линіи по адресу СССР в Европѣ не ощущается. Исходя из разных оснований: по соображеніям внутренней политики, как это имѣет мѣсто во Франціи и в нѣкоторых среднеевропейских государствах; под давленіем международнаго положенія, как это можно видѣть на примѣрѣ Германіи, — многіе европейскіе политики склонны, повидимому, еще и сегодня не очень, как кажется, и искренне, но все же повѣрять в возможность превращенія большевиков из средневѣковых феодалов в вѣрных поклонников европейскаго государственнаго миропониманія. Иллюстраціей этому утвержденію может служить хотя бы тот факт, что и в данный момент в Женевѣ, в конференціи по разоруженію, открывшейся 30 сего ноября, на равных с другими правами и основаніях, принимают участіе и представители Сталинскаго государства. Уроки недавняго общенія с большевиками на экономической, конференціи в той же Женевѣ оказались недостаточными, как недостаточны были и чисто дипломатическіе уроки, связанные с дѣлом Аркоса в Лондонѣ и тов. Раковскаго в Парижѣ.

Всѣ предпосылки, необходимыя для образованія в Европѣ единаго антибольшевицкаго политическаго фронта, без сомнѣнія, имѣются в наличности. Скорбный опыт дипломатических сношеній с СССР, большевицкіе методы управленія у себя дома, их преступная антигосударственная дѣятельность в Европѣ и антиевропейская работа во всем мірѣ — все это стало извѣстным широкому кругу европейскаго населенія, давши в общем эффект ужаса и отвращенія. Общественно и морально большевики в Европѣ изолированы, но от этого до единаго политическаго фронта может быть еще и далеко. Причина лежит в том, что, во-первых, не всегда моральное отвращеніе бывает импульсом для политическаго, особенно, — для дипломатическаго дѣйствія; а во-вторых — в Европѣ нѣтъ единаго мнѣнія о том, как может и должна разрешиться восточно-европейская трагедія. Одни из европейских государств предполагают, что для их интересов выгодно было-бы восстановленіе в том или ином видѣ единаго государства на территоріи бывшей Россійской имперіи; другіе считают болѣе благоприятным для себя начавшееся до большевиков, растушее и укрупняющееся и при них расчлененіе Востока Европы на нѣсколько самостоятельных государств; третьи, наконец, относятся безразлично к той или иной комбинаціи. К тому же всѣ эти предполагаемые интересы и выгоды относятся къ будущему; в настоящем же имѣется на лицо готовый факт существованія СССР, а как извѣстно, европейская дипломатія и политика не стремятся создавать новые факты, хотя и считаются с ними, когда они появляются.

Так обстоить дѣло и с восточно-европейской проблемой. Нужны исключительныя условия для того, чтобы в Европѣ создался активный антибольшевицкій фронт, а пока этих условий нѣтъ, европейскія государства будут продолжать свое выжидательное положеніе, с отвращеніем считаясь с фактом существованія СССР. То или иное разрѣшеніе восточно-европейской трагедіи — дѣло народов, населяющих эту часть стараго континента. Всякое ея рѣшеніе в Европѣ будет встрѣчено с радостным чувством облегченія, но максимум сочувствія, как мы твердо увѣрены, вызовет то ея рѣшеніе, когда на территоріи сегодняшней СССР. возста-

новят свое существованіе намѣтившіяся уже давно государственныя образованія, сгруппировавшіяся под покровительством Лиги Націй в соответствующіе региональные союзы. Такого рода рѣшеніе вопроса, ставши фактом, будет поддержано наиболѣе сильными и наиболѣе прозорливыми государствами, ибо только оно является ручательством политическаго равновѣсія на Востокѣ Европы, а вмѣстѣ с тѣм и фактором умиротворенія и политической стабилизациі всего европейскаго континента.

Свой.

В РСФСР.

Борьба в партіи

Десятилѣтній юбилей существованія совѣтской власти ознаменовался чрезвычайно острой вспышкой той склоки, которая уже в теченіе года раз'ѣдает коммунистическую партію!

Жестокій кризис, который переживает партія, приняла на этот раз форму рѣзкаго бунта меньшинства, руководимаго Троцким, Зиновьевым, Каменевым и Раковским, против Сталина. Борьба приняла такіе размѣры, что примиреніе между противниками стало невозможным.

В основѣ этой борьбы лежат все обостряющіяся противорѣчія в жизни совѣтскаго государства, создающія „для строителей социализма в одной странѣ“ безвыходный тупик.

Как оппозиція, так и партійное большинство, обвиняют друг друга прежде всего в измѣнѣ дѣлу міровой коммунистической революціи, завѣтам Ленина, „чистому октябрю“, в соглашательствѣ с непролетарскими элементами.

Тѣ матеріалы, пока еще не исчерпывающіе, которыми мы обладаем, позволяют нам установить два момента в основѣ расхожденія между противными сторонами.

Сталинское большинство считает необходимым дальнѣйшее развитіе Нэпа и сближеніе с капиталистическими государствами для полученія кредитов.

Оппозиція, требуя возвращенія к чистому ленинизму, разоблачает лжесоциалистическую политику большинства, вскрывая фальшивость его „ленинских“ позицій.

В результатѣ сталинской группѣ пришлось остановиться на „лѣвой“ внутренней политикѣ, т. е. снова провозгласить поход против кулака в деревнѣ и частника в городѣ, отстояв „правую“ внѣшнюю политику, — соглашенія „всерьез“ и надолго, путем максимальных уступок, с буржуазіей Западной Европы.

Так как оппозиція путем конспиративной работы и публичных выступленій встала на путь рѣшительной борьбы с большинством, послѣднее приняло крайнія мѣры „вразумленія“: Троцкій и Зиновьев исключены из партіи, лишены званій и должностей, до 20.000 оппозиціонеров в центрѣ и на мѣстах тоже выброшены из рядов ВКП.

Эта коммунистическая распря, помимо того, что ослабила партію внутри, подорвала ея авторитет и во внѣ.

Разоблаченія коммунистов из старой гвардіи о коммунистах же расшевелили и широкія массы безпартійных, к которым пытались обращаться за сочувствіем обѣ стороны.

Разгром оппозиціи не вернет „желѣзнаго единства партіи“. Чѣм дальше, тѣм больше будут усложняться противорѣчія между мертвой коммунистической доктринной и жизнью, вызывая в партіи новые расколы и уклони.

Как коммунистическіе науки ѣдят друг друга.

Коммунистическая оппозиція распространяет ряд прокламацій, в которых объясняет свои взгляды и стремленія. Вот выдержки из одной из них:

... „Долой паразитов. Товарищи! Нас продали. Нас эксплуатируют. Дерут с нас послѣднюю рубашку... Затыкают нам рот. Обѣщали нам диктатуру пролетариата, а дали диктатуру над пролетариатом. Дали нам диктатуру паразитов — коммунистических „аппаратчиков“. Обѣщали нам: „Вся власть рабочим“, обѣщали: „Фабрики и заводы — рабочим“, а дали нам эксплуатацію рабочих. Дали нам совѣтскіе тресты и синдикаты. Не получили мы заводов, работаем в них за самую малую плату, десятками существуют у нас всяческіе „членскіе взносы“, „добровольные пожертвованія“ и пр.

Куда же идут наши деньги? — На оплату паразитов — аппаратчиков. На роскошныя дачи. На прекрасныя коммунистическіе оклады. На оклады нашим врагам — чекистам. На дорогіе автомобили. На банкеты с шампанским. Нам говорят, что коммунисты-аппаратчики берегут интересы пролетариата. Явная ложь. Нас продают, душат, жмут и эксплуатируют. Не позволяют нам сказать свободнаго слова...“

— Дѣло идет, конечно, о свободѣ слова для простых смертных. Нѣтъ? Задрались большіе паны между собою. Для нас безразлично, кто кого из них с'ѣст, для нас они оба одинаково хороши. Но дай им, Боже, с'ѣсть друг друга побольше!

Борьба с оппозиціей ослабляет совѣтскую власть.

Когда началась открытая уже борьба в средѣ Р.К.П., правящая ея группа утверждала, что положеніе ея так же твердо, как если бы никакой оппозиціи и не было. Оказывается, что „на Шипкѣ не все уж так благополучно. На X с'ѣздѣ коммунистической партіи (б.) Украинны Рыков между прочим сказал, что „борьба в нашей партіи, особенно одновременныя демонстраціи в юбилейные дни, открытое выступленіе оппозиціи против партіи, очевидно способствуют ухудшенію нашего международнаго положенія. Одной из главных причин, которая может ускорить нападеніе на СССР., являются наши внутреннія неурядицы, а прежде всего ослабленіе нашей партіи. Если международная буржуазія увидит, что дѣло идет у нас не о словесной полемикѣ, а о дѣйствительной политической борьбѣ, и что одна из сторон хочет в эту борьбу втянуть цѣлое государство, то конечно эти перспективы нападенія на наш Союз рѣшительно усилятся! Этим объясняется и то огромное вниманіе, которое международная буржуазія и правительства удѣляют сейчас борьбѣ оппозиціи с партіей. Буржуазія очень хорошо знает, что значит раскол в нашей партіи.“

В послѣдніе годы международное положеніе ухудшилось. Нѣсколько раз мы были на канунѣ войны... Международная печать пишет, что престиж Совѣтскаго Государства за это время упал. Но руководящим началом всей нашей заграничной политики есть стремленіе к поддержкѣ мира. Мнѣ кажется, что мы поступили правильно, когда вопрос о престижѣ, который для буржуазных правительств имѣет рѣшающее значеніе, мы подчиним совершенно интересам классовым и интересам революціи...“

На Украинѣ.

Трудно дать совсем точную картину того, что происходит сейчас на Украинѣ.

Организации, занятая там активной борьбой с большевической властью, по вполне понятным причинам, воздерживаются от сообщения каких либо сведений о своей деятельности. А между тем даже и постороннему зрителю ясно, что работа идет напряженная и непрекращающаяся, ибо результаты ея на лицо во всех областях культурной, общественной и политической жизни Украины.

Об этом свидетельствует прежде всего сама советская пресса, — при условии, конечно, что ее надо умѣть читать. О том же говорят и те иностранные наблюдатели, которые, побывав на Украинѣ, нашли там возможность, а у себя умѣнье, видѣть и слышать то, что показывают им обыкновенно советские чичероне.

В 1920 году почти трехлѣтняя война между Украиной и Москвою, как известно, закончилась не в пользу Украинской Народной Республики. Большевики оккупировали украинскую территорию, а украинское правительство вынуждено было уйти на эмиграцию. С правительством ушла лишь часть республиканской армии, большинство же ея осталось на Украинѣ, как осталось на родинѣ и большинство украинской интеллигенции.

Украинская эмиграция не повторила ошибки, произведенной Временным Российским Правительством в 1917 году. Она не расплылась, сохранила организацию центральных учреждений и — что самое главное — берегла государственный центр, берегла и непосредственные связи с родиной, упрочив тем и свое положение за границей. Оставшіеся на родинѣ продолжали вооруженную борьбу по методу так называемой крестьянской войны. На протяжении трех лѣт периодически вспыхивали болѣе или менѣе значительныя возстанія на всей территории Украины. Не прекратились они и сегодня: в день, когда пишутся эти строки, вся европейская пресса принесла извѣстие о жестокой вооруженной борьбѣ между украинским населением и большевическими регулярными войсками на обширной территории, примыкающей к румынской границѣ.

Вооруженные крестьяне в наше время, конечно, не могут успѣшно сражаться с какой бы то ни было регулярной арміей. Но возстанія на Украинѣ принесли весьма ощутительные результаты. Они фактически изолировали деревню от коммунистической власти и от коммунистической идеологии, воспитали крестьянство в духѣ ненависти к оккупантам, одушевили их патриотизм и национальное чувство. В свою очередь украинская интеллигенция нашла примѣненіе своим силам в школах, в церкви, в разнаго рода культурных и общественных учреждениях. Мостом для этого между прочим послужила так называемая украинизация, которую большевики провозгласили в надеждѣ найти таким образом путь к „смычку“ с украинским населением. Повторилась старая легенда о волшебникѣ, который знал, как вызвать духа, но не умѣл заставить его уйти. Украинизация „смычки“ не дала, а послужила почвой для оживленной национальной работы, в результатѣ чего обозначился чрезвычайный подъем украинскаго патриотизма и стремление подальше стать от Москвы, в том числѣ и от большевической.

Мы не будем сейчас слѣдить за постепенным ростом национальнаго подѣма на Украинѣ; ограничимся пока лишь одним указанием. Подѣм этот так велик, что волны его готовы захлеснуть самое правящую партію коммунистов. Об этом свидетельствуют нѣкоторые документы, появившіеся за послѣднее время в русской зарубежной и в украинской советской прессѣ. Так, в „Воз-

рожденіи“ находим „Тезисы Ц. К. Ком. партіи большевиков Украины“. В тезисах этихъ наряду с „великорусским уклоном“ в партіи, который, по мнѣнію авторов документа, весьма вреден для советской Украины, констатируется наличие еще болѣе опаснаго „украинскаго уклона“ — интернационализма! Рост кулацких элементов на Украинѣ, читаем в „Тезисах“, и подростаіе украинской городской буржуазіи питают идеологическое оформление украинскаго национализма в советской Украинѣ. Выражается это в формѣ ориентации всего хозяйственнаго и культурнаго процесса Украины на буржуазный Запад и в противопоставленіи украинской республики другим республикам союза. Украинское „самостійничество“ проникло в КПБУ, но и оформилось в партіи в видѣ национальнаго уклона, лидерами котораго являются Шумский и Хвильовый. Они — сторонники „ориентации на Западную Европу в противовѣствіи Москвѣ“.

На Украинѣ так же, как и в Москвѣ, появилась оппозиція в коммунистической партіи, но украинская оппозиція не варится в собственном коммунистическом соку, а, как сообщает „Руль“, поддерживает украинских сепаратистов, подрывает престиж советской Украины и концентрирует вокруг себя явно „контр-революціонные“ элементы.

Деятельность этой оппозиціи проявляется в организации собственных „ячеек“ и в созданіи для своих „преступных“ цѣлей своеобразной партіи в партіи что, конечно, обозначает начало партійнаго раскола и неизбежной партійной схватки. Но на ряду с этим появляются указанія и на то, что „зараженіе национализмом“ глубоко проникло в самыя нѣдра коммунистической партіи. В Харьковском украинском „Коммунистѣ“ находим интерпелляцію тов. Дикаго по адресу советскаго правительства. Автор интерпелляціи обращается к своему правительству с совершенно недвусмысленным вопросом: Не пора ли уже украинской коммунистической партіи прекратить служеніе интернациональным заданіям и заняться вмѣсто того подлинным национальным украинским строительством? Интерпеллятор не вѣрит тому, что „тот путь, которым идет сейчас украинская государственная политика, приведет Украину к лучшей жизни“. В европейском воздухѣ пахнет, по мысли тов. Дикаго, войной, а извѣстно, что „о классовых противорѣчіях забывают в час опасности, что с особою силою выступает тогда национальное чувство“, которое „не утрачивает своей силы ни при каких условиях. Украина должна укрѣпить свое национальное единство, чтобы быть сильной, коммунизм „стоит на почвѣ интернационализма, а двум богам, как говорится, служить нельзя“. „Мы дождались, говорит интерпеллятор, своего украинскаго правительства, но проявить своей национальной природы нам некогда, потому что приходится все время внимательно слѣдить за тѣм, что сказал Маркс, чему учит Ленин. Социалистическая нація вынуждена расплытаться в интернационалѣ, не выявив себя... Неужели счастье наше в том, чтоб жить головою Маркса, руководиться указаніями Ленина... работать по готовым шаблонам и трафаретам“?

Вопросы, несомнѣнно, чисто риторическіе, ибо отвѣты на них лежат в них же самых. Коммунистическая газета не сообщает, кто стоит за тов. Диким, от чьего имени он дѣлает свою интерпелляцію, но уже самый факт реальнаго возникновенія такого рода вопросов говорит о том, как напряжена советская атмосфера, и в каком направленіи слѣдует ожидать разряда этого напряжения.

— ОВ

Из жизни Северо-Кавказского Края.

Итоги приёма в ВУЗ'ы края.

Характерной особенностью приёма в ВУЗ'ы в прошлом 1926/27 году явился отказ от системы командировок и переход на систему конкурсных испытаний.

В результатъ — мы получили ухудшение социального состава студентов на I курсъ. Ухудшение выразилось, главным образом, по крестьянской группѣ.

Уменьшение крестьянской группы произошло за счет увеличения группы служащих и дѣтей служащих, которые, естественно, были болѣе подготовленными к приемным испытаниям.

Прием этого года происходил на принципиально иной основѣ: на основѣ приемных испытаний и социального отбора.

Результаты приемных испытаний нынѣшняго 1927/28: В прошлом году рабоче-крестьянская группа составляла 55,4%.

В нынѣшнем же она возросла на 66% т. е. ея удѣльный вѣс, в общей массѣ принятых, увеличился на 10,6%.

Наряду с этим группа служащих, лиц интеллигентного труда и их дѣтей уменьшилась с 40,1% на 32,6 т. е. на 7,3%.

То же самое мы имѣем и по группѣ „прочих“ — уменьшение на 3,3%.

По группѣ „прочих“ проходят кустари, ремесленники, инвалиды, свободныя профессии, лица пользующіяся наемным трудом и т. п. Мы имѣем усиление группы рабочих и крестьян за счет служащих, интеллигенции и „прочих“.

Таким образом, с точки зрѣнія социального состава принятых в ВУЗ'ы в нынѣшнем году, мы имѣем болѣе благоприятные результаты, чѣм в прошлом.

Наряду с улучшеніем социального состава поступающих, можно констатировать усиление партійнаго и комсомольскаго ядра.

Так, в прием 1926/27 г. мы имѣли: членов ВКП (б) и кандидатов — 13,7% набора, членов ВЛКСМ и кандидатов — 7,5%.

В приемѣ же этого года: чл. ВКП и кандидатов — 15% ; членов ВЛКСМ и кандидатов — 23,8%.

Удѣльный вѣс партійно-комсомольскаго ядра увеличился на 7,6%.

Что-же касается рабфаковцев, то в этом году, так же как и в прошлом, мы имѣем недобор.

По восьми ВУЗ'ам края за рабфаковцами было забронировано 400 мѣст из общей нормы приёма в 1720 мѣст. Занято же рабфаковцами только 346, т. е. 54 мѣста остались ими не использованными, что составляет 13,5%.

К сожалѣнію, до сих пор еще не закончена обработка экзаминаціонных работ абитуриентов, и мы не располагаем матеріалом, который позволял бы сдѣлать объективные выводы о степени академической подготовки державших товарищей.

Но общее впечатлѣніе, которое получилось у экзаменаторов, которые кстати сказать, были экзаменаторами и в прошлом году, можно сформировать так:

подготовленность поступающих в этом году нѣсколько выше прошлаго года. Если в этом году было немного блестящих отвѣтов, то не часто встрѣчались отвѣты, которые выявляли бы безграмотность.

По социальным группам лучше подготовленными показали себя служащіе и их дѣти, лица интеллигентного труда и их дѣти, в особенности дѣти специалистов, затѣм рабочіе и хуже всего крестьяне, главным образом, окончившіе сельскія школы II ступени.

(„Совѣтскій Юг“, № 229).

Дѣло — бамбук.

— Ну и положеньяде, чорт возьми!

— Хуже губернаторскаго!

— Прямо — таки пиковое!

— Прямо — таки аховое!

— Бамбуковое!! — Нерѣдко срывается с уст наших совѣтских хозяйственников. Что же их гнетет? Что заставляет стремительно спадать с вѣса, так скрупулезно накапливаемого в дни отпуска златые? А вот что: всѣ циркуляры твердят: — не водись с частником, имѣй дѣло с государ. учрежденіем. Не давай заказов частнику — давай государственному предпріятію. И благо-ти будет и долгодѣтен будешь на земли, а наипаче всего не будешь имѣть неприятных разговоров с В.К.П.

Циркуляры хороши, а факты вот какіе. Ростовскому порту понадобилось изготовить 30 штук башлыков для лопастей парахода и 120 рефулерных чек для понтона.

Обратились к Ворошиловскому заводу.

— Ваша калькуляція, товарищи?

— Наша? 1620 рублей, срок выполнения — три недѣли.

К „Красному Дону“: — ваша?

— А наша? 1072 р. 50 коп, срок — 10 дней.

Нехотя — в частную мастерскую.

— Твои, мелкобуржуйный хамлет?

— Наши-с? Пожалуйте 750 рубликов, — в недѣлю обладим.

Автопромтор, помимо спортивных соревнований с гортрамваем, занимается также гужевыми перевозками. Понадобилось госучрежденію песок перевозить.

— Ваши условія, тов. Автопром?

— 3 рубля кубическ. метр!

— Дорогонько.

— Дѣло Ваше.

К частному извозчику: —

— Ну ты, борода?

— Чего? Давай, гражданин, полтора цѣлковѣх, уважим:

— Ставь могоарыч!

Попробуйте ка при таких условіях директивы соб-люсти и копейку для Совкорма приобрѣсти.

Эх, снижение, снижение!

Гдѣ Твои „достиженія“?

(Молот 1886).

Пришлые хозяева.

В „Извѣстіях“ находим нѣкоторыя свѣдѣнія о концессіи Круппа. Вкратцѣ они сводятся к слѣдующему:

В 1922 году большевики предоставили в Сальском округѣ концессію Круппу, который в послѣднее время добивался измѣненія договора. Пролетаріи охотно пошли навстрѣчу капиталисту, измѣнив договор с ним на владѣніе казачьей землей.

Новый договор дѣйствителен до 1 декабря 1958 г. В силу этого договора „хозяева“ дали Круппу в пользование 29167 десятин, кромѣ того „даровали“ до 1936 года безплатность оборотов и другія льготы.

Взамѣн Крупп обѣщается электрофицировать предоставленный ему участок.

Письмо комсомольца.

Получил твое письмо. Да, ты тысячу раз прав, что я не могу переменить твоих политических взглядов, но и меня, я думаю, не переваришь, хотя ты и пишешь, что я стою на рыхлой коммунистической, не-казачьей платформѣ, которая может в недалеком будущем разрушиться. Потом я силой обстоятельств должен был взять гуж, не говоря, что он не дуж.

... На вопросы, поставленные тобою в письме, я не в силах отвечать подробно, но кое-что напишу, много же не могу...

С приходом осени хлѣбороб больше бывает в станицѣ, гдѣ сейчас частенько происходят сходки, на которых граждане разбирают некоторые вопросы своей станицы. Но я не рад этим сходкам, т. к. нам комсомольцам приходится много прилагать усилий, чтобы сдерживать дерзкие порывы „кулаков“. Теперь „кулаки“ уже выходят из берлоги и подымают голову.

Недѣли двѣ назад в станицѣ был сход, гдѣ казаки-кулаки вмѣстѣ с иногородними высказывались против надѣла пришлецов земель из юрта (пришлец у нас назыв. пришлога с Сѣвера).

Раньше у казаков - „кулаков“ и иногородних было какое-то взаимное недоверіе, но теперь, видно, общность интересов соединила их. Наша задача загнать этих медвѣдей в их старую берлогу. У этих „кулаков“ опасно лишь нам их животное большинство.

Малая, но сильная гвардія комсомольцев всегда на стражѣ!..

... Из школ, имѣющихся в станицѣ, слѣдует отменить школу второй ступени, дающую среднее образование, и сельско-хозяйствен. опытную школу, но учителя слабо заботятся о знаніях своих учеников...

... Мы, комсомольцы, все же довольны своими достижениями в станицѣ, т. к. это не город, гдѣ больше публики, кипящей о каких-то гнилых принципах...

... Ничуть не против переписки между нами, но вѣдь пост, занимаемый мною, не позволяет многое...

С дружеским привѣтом...

Кратко обо всем.

(По краевым газетам).

— В текущем году в Краѣ было занято табаком около 15.000 десятин, давших урожай в 1,052,000 пудов.

— Охотники Сѣв. Кавказа за истекшій год убили пять тысяч зайцев. Различными организациями закуплено заячьих шкур на 180.000 руб.

— Сѣв.-Кавказское краевое коммунальное управление предложило всѣм окружным и областным отдѣлам срочно перейти на новую американскую систему нумерации домов городов С. Кавказа.

Новая нумерация будет идти от центра города к окраинам. Такая нумерация улиц в ближайшее время будет проведена в Ростовѣ и Нахичевани.

— В техникумах Донокруга заработная плата учителям, находящимся на мѣстном бюджетѣ, повышена с 62 до 85 руб.

Учащимся же техникумов, с наступлением 1927/28 уч.г. степендіи, для находящихся на мѣстном бюджетѣ, повышены с 10 до 15 руб. в мѣсяц.

— На засѣданіи технического совѣта комхоза состоялось предварительное обсуждение проекта расширения Ростова.

Проект составлен из расчета на ближайшій двадцатипятилѣтній період.

Расширение предполагается произвести путем включения в городскую черту станиц Верхне и Нижне-Гниловской, Аександровской и Аксайской с их землями.

Благоприятное и болѣе скорое разрѣшеніе этого вопроса — задачи расширения территории города, в значительной мѣрѣ будет зависеть от того, как отнесется населеніе указанных станиц к этому вопросу.

— 20 ноября состоялось открытіе канала соединяющего Дон с Азовским морем, — благодаря этому каналу получили доступ в Дон глубокосидящія суда.

На открытіи канала присутствовали члены Донской партконференціи.

„Шалости“ безпризорных.

„В свое время мѣстная печать удѣляла много вниманія борьбѣ с хулиганством в Ростовѣ.

На этот раз мы хотим обратить вниманіе городского совѣта на необходимость срочных мѣропріятій по пресѣченію „шалостей“ безпризорных. Ибо скоро может дойти до того, что появленіе на улицѣ вечером, будет дѣлом большого риска.

Не проходит вечер, чтобы в самом центрѣ города, на улицѣ Энгельса безпризорные не отняли чего-либо, не вырвали из рук или не обругали самыми скверными словами.

Вырвать из рук сумку, попку, вырвать из волос гребешек, ударить и обругать намѣченную жертву, для безпризорных — плевое дѣло, почти всегда безнаказанно сходящее с рук.

Ежедневно приходится слышать жалобы: „отняли, вырвали из рук“... И это в самом центрѣ города.

Два дня назад, около 7 ч. вечера, мы наблюдали такой случай возлѣ кино „Художественный“: двое безпризорных одновременно атаковали проходившую женщину — один нанес ей удар в спину и вырвал из прически гребешек, а второй пытался отнять сумку, послѣ чего уже цѣлая стая „шалунов“, оглашая улицу побѣдными возгласами и улюлюканьем бросилась в розсыпную.

Вчера эти же „шалуны“ напали на сотрудницу нашей газеты, и один из нападавших нанес ей сильный удар по головѣ.

На базарѣ безпризорные „практикуются“ над пріѣзжими крестьянами: то стащут с воза что нибудь, то вырвут из рук попку; в случаѣ отпора пускают в ход камни.

Нерѣдко и городской житель возвращается с базара с пустыми руками: чуть только зазѣвался во время попки продуктов — безпризорные вырвали из рук деньги, а если это не удалось, если шалость встрѣтила отпор, то в ход пускаются опять таки кулаки или камни...

И подобныя явленія стали обычными. Терпѣть их дальше совершенно невозможно. Ибо нельзя мириться с тѣм, что ростовскій базар утром, а центральная улица вечером — стали походить на какія-то дебри!

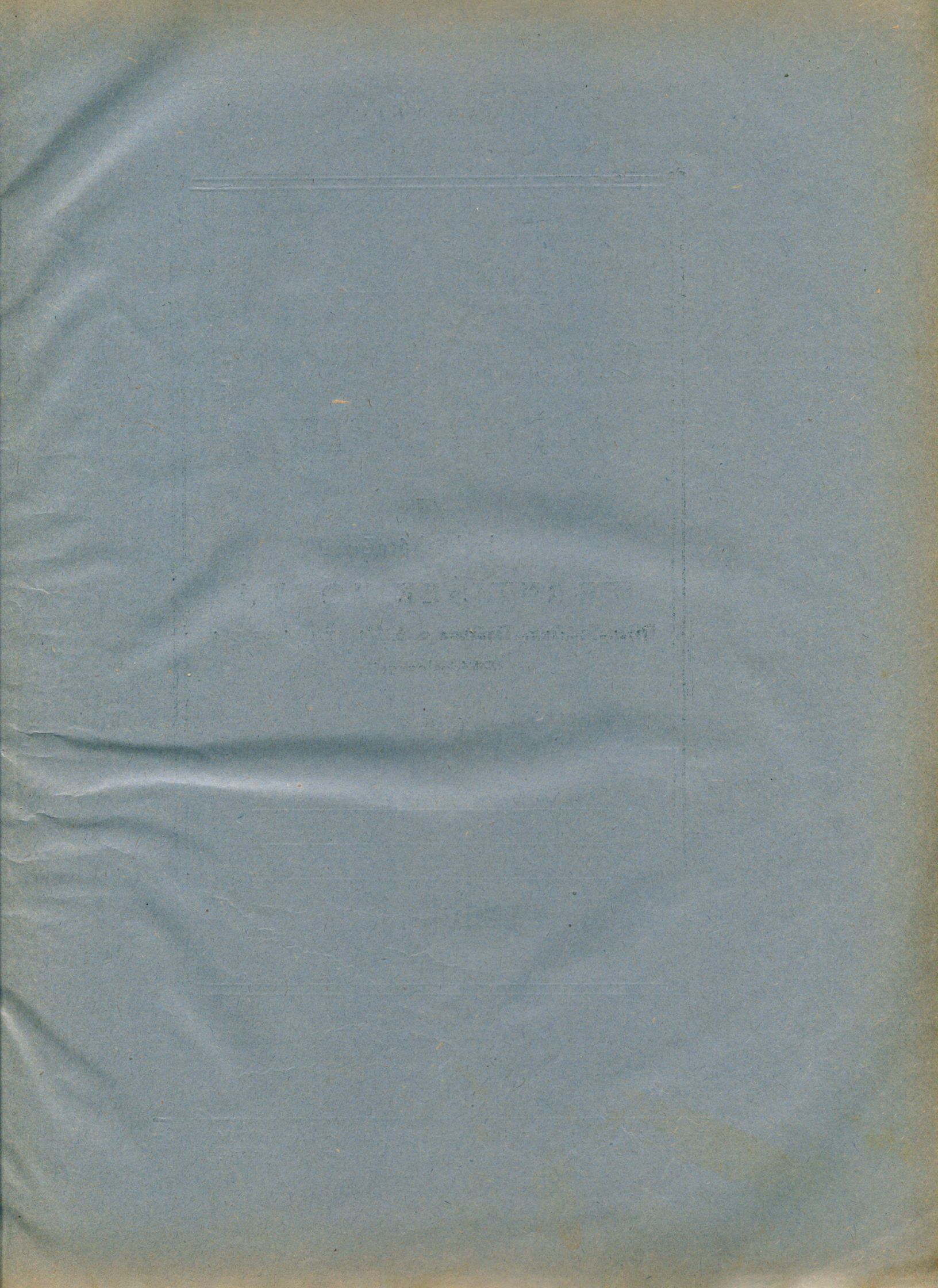
Очевидец.

(„Совѣтскій Юг“, № 225)

В Сѣвкавкраѣ насчитывается около 38.000 безпризорных; из них 18.000 размѣщены по дѣтдомам, заводам и проч.

На отпускаемые на каждого безпризорца 1 р. 30 к. в мѣсяц одѣть, обути, прокормить, оплатить квартиру и администрацію даже в „странѣ совѣтских чудес“ не сумѣть.

■■■■■■■■■■

ВНОВЬ ОТКРЫТОЕ
**СЛАВЯНСКОЕ
ОТДѢЛЕНИЕ**

при

knihtiskárně

FRANTIŠEK VONKA

**Praha-Smíchov, Duškova u. č. 11. Tel. 405-2-1
Tchécoslovaquie.**

Всякаго рода типографскія работы
выполняются дешево и аккуратно
на всѣх славянских языках.